

Духовная жизнь Десять Заповедей

(Из книги Эммануила Сведенборга *Апокалипсис Разъясненный*)

@ Малявин В.В. Перевод с английского языка.

Часть первая

Духовная жизнь

1. Как обрести духовную жизнь

Духовную жизнь можно обрести, только живя в согласии с Божьими заповедями. В Писании последние кратко изложены в виде Десяти Заповедей, а именно: Не прелюбодействуй, Не кради, Не убивай, Не произноси ложного свидетельства, Не желай имущества другого. Эти заповеди преподаны для исполнения, ибо, когда человек исполняет их, деяния его становятся благими, а жизнь – духовной. Ибо в той мере, в какой человек отвращается от зла, он желает блага и творит его.

Человека окружают две противоположные сферы: мир адский, из которого происходит все зло и ложь, и мир небесный, из которого проистекают благо и истина. Эти сферы не имеют непосредственного касательства к человеческому телу, но они влияют на умы людей, ибо имеют духовную природу и, следовательно, связаны с человеческими устремлениями. Человек пребывает посередине их, так что, приближаясь к одной из них, он отдаляется от другой. И поэтому в той мере, в какой он отвращается от зла и ненавидит его, он желает блага и истины и стремится к ним, ибо здесь никто не может быть слугою двух господ и тот, кто ненавидит одно, будет любить другое. (*От Матфея, 6, 42*)

Заметим, что исполнять заповеди нужно по религиозным убеждениям, ибо они даны Господом. И если кто-то исполняет их по каким-либо другим соображениям, например, исходя из требований гражданского закона или нравственности, он остается в области природного и не может стяжать духовное. Ибо, когда человека руководствует религией, он в сердце своем признает, что есть Бог, небеса и ад и жизнь после смерти. А когда он руководствуется только гражданским законом или нравственностью, он может поступать совершенно так же, но в душе отрицать существование Бога, небес и ада и жизни после смерти. В таком случае он отвращается от зла и творит благо только внешним образом, но не в их внутреннем смысле. И, внешне поступая по-христиански в отношении жизни тела, внутренне он служит дьяволу в отношении жизни духа. Все это означает, что человек может стать духовным или стяжать жизнь в духе не иначе как посредством религии Господа.

Я получил доказательства истинности этих слов от ангелов третьего, или самого внутреннего, неба, которые обладают высшей мудростью и блаженством. На вопрос о том, как они смогли достичь такого состояния, мне ответили, что при жизни в мире они ненавидели грязные помыслы, каковыми было для них прелюбодеяние, и подобным же образом они относились к обманам и незаконным приобретениям, каковые были для них кражей, а также к ненависти и мести, каковые были для них убийством, а также к лжи и богохульствам, каковые были для них ложным свидетельствованием. А на вопрос о том, творили ли они благо, они отвечали, что любили целомудрие, в котором и пребывали, поскольку ненавидели прелюбодеяние, и что они любили честность и справедливость, в которых пребывали, поскольку ненавидели обман и незаконное приобретение, и что они любили ближнего, поскольку ненавидели ненависть и месть, и что они любили истину, поскольку ненавидели ложь и богохульство, и так далее. И они поняли сие, когда эти грехи были отняты от них, и они стали руководствоваться в своих поступках целомудрием, честностью, справедливостью, милосердием и истиной, и все это исходило не от них самих, а от Господа, так что все содеянное ими было благом, хотя делалось как бы ими самими, и по этой причине они были вознесены Господом на третье небо. Так можно понять, каким образом достигается духовная жизнь, которая есть жизнь ангелов на третьем небе.

Следует сказать теперь, каким образом эту жизнь убивает современная вера. Последняя предписывает верить, что Бог-Отец послал Своего Сына, который претерпел крестные муки за наши грехи и так снял с человечества проклятие закона, и что эта вера помимо всяких добрых дел спасет каждого, даже в его смертный час. Вследствие этой веры, внушаемой с детских лет и впоследствии подтверждаемой проповедями, возникло мнение о том, что от зла отвращаются по соображениям не религии, а гражданского закона и нравственности, то есть не потому, что это суть грехи, а потому, что они наносят вред людям.

Вдумайтесь в тезис о том, что Господь пострадал за наши грехи и снял проклятие закона и что простая вера в это без добрых дел способна спасти каждого человека, как если бы Десять заповедей и все религиозная жизнь, предписываемая Писанием и все истины неисповедимой благостыни не имели значения. Отделите заповеди от жизни человеческой – останется ли что-нибудь от религии в ней? Ибо религия состоит не просто в том, чтобы иметь определенное мнение, а в том, чтобы иметь намерения, ему соответствующие, и поступать в согласии с ним. И нет религии там, где воля и поступки отделены от мыслей. Таким образом, нынешние представления губят духовную жизнь, каковая есть жизнь ангелов на небесах и, собственно, сама христианская жизнь.

Вдумайтесь также и в то, что Десять заповедей были возвещены с горы Синай столь чудесным образом, почему они были выбиты на двух каменных скрижалях, стоявших под сводами, над которыми стояли троны с херувимами, и место, где находились скрижали, называлось святая святых, и Аарон имел позволение входить в него лишь раз в году и непременно с жертвоприношением и курением фимиама, а если бы он не сделал этого, то тотчас бы умер, и что, наконец, на месте этом было явлено множество чудес. Разве не имеют все народы земного шара таких заповедей? Разве законы их не предписывают того же? Кто не знает из чисто природного разумения, что в целях поддержания порядка в каждом царстве запрещены прелюбодеяние, кража, убийство, ложное

свидетельствование и прочие правила Десяти заповедей? Отчего те же заповеди удостоверяются столь многими чудесами и почитаются столь священными? Не оттого ли, что исполнять их надлежит по соображениям религии и, следовательно, по велению Божьему, а не просто исходя из требований законов и нравственности, то есть по собственному разумению и ради мира сего? Вот почему заповеди эти были возвещены с горы Синай и почитались священными, ибо исполнение их по религиозным убеждениям очищает внутреннее человека, открывает доступ к небесам, утверждает бытие Божие и делает человека в духе его ангелом на небесах. Вот почему народы, исполняющие их, даже не имея Церкви, обретают спасение, но не те, которые следуют им исключительно исходя из требований гражданского и морального закона.

Спросите теперь, не отменяет ли Десять заповедей нынешняя вера, а именно вера в то, что человек может быть спасен помимо его добрых дел? Посмотрите вокруг себя и убедитесь, много ли сегодня в христианском мире тех, кто живут в разладе со своей верой? Я знаю: они скажут, что они – слабые и несовершенные люди, рожденные в грехе и тому подобное. Но кто не способен мыслить в согласии с религией? Эту способность Господь дает каждому, и тому, кто мыслит в согласии с религией, Господь позволяет исполнить все согласующееся с его помыслами. И пусть все знают, что тот, кто мыслит в согласии с религией, верует в Бога, в существование неба и ада и жизни после смерти, а тот, кто не мыслит таким образом, на самом деле, я утверждаю, не имеет и веры. (А.Р. № 902)*

* Здесь и далее в скобках даются ссылки на соответствующие ссылки труда Э. Сведенборга “Апокалипсис Разъясненный” (*прим. пер.*)

2. Блага милосердия

В христианском мире до сих пор не понимают истинного значения благ милосердия, или благодеяний, вследствие господства доктрины о спасении только верою, что есть вера, отделенная от милосердия. Ибо если только вера приносит спасение, а блага милосердия не приносят ничего, всегда есть возможность вообще отказаться от совершения благодеяний и полагать, что таковыми являются только помощь бедным, забота о вдовах и сиротах, поскольку сие упомянуто и по видимости заповедовано в Писании. Некоторые же думают, что, поскольку благодеяния нужно совершать ради стяжания вечной жизни, они должны раздать бедным все свое имущество, как было принято в ранней церкви, поскольку Господь приказал одному богачу продать все, что у него есть, отдать деньги бедным, взять крест и последовать за ним. (*От Матфея. 19, 21*) (А.Р. № 932)

Уже было сказано, что до сих пор люди имеют лишь очень смутное понятие о том, что такое милосердие, если это не помощь нищим и нуждающимся, забота о вдовах и сиротах, жертвование храмам, больницам и приютам. И неизвестно, совершаются ли благодеяния человеком и в надежде на награду, ибо, если они свершаются только по человеческому разумению, в них нет блага, а если они свершаются ради награды, в них нет заслуги. Такие деяния не открывают путь в небеса и не считаются благими на небе. Ибо на небе только то деяние считается благим, которое свершается Господом посредством человека, а такие деяния предстают внешне как бы совершаемые самим

человеком и не могут быть отделены от того, кто совершает их. И если они не совершаются как бы самим человеком, они не соединяют человека с Господом и не преображают его. (АР, № 933)

Но для того, чтобы деяния совершались Господом, а не человеком, требуются два условия: первое – нужно признать Божественность Господа, то есть то, что он есть Бог неба и земли даже в отношении Человеческого и то, что всякое благо исходит от Него; второе – нужно, чтобы человек жил в соответствии с Десятью заповедями, воздерживаясь от зла, запрещаемого ими, а именно: от почитания других богов, от поминания напрасно имени Божьего, от кражи, прелюбодеяния, убийства, лжесвидетельства, желания завладеть имуществом других. Соблюдение этих двух условий необходимо для того, чтобы деяния человека были благими. Причина же этого в том, что всякое благо исходит только от Господа, и Господь не может войти в человека и направлять его до тех пор, пока все эти пороки не отброшены, как зло, ибо они представляют ад в человеке, и до тех пор, пока человек не отвернется от ада, Господь не может войти и открыть небесное в нем. Вот что означают слова Господа богачу.

который спросил Его о жизни вечной и сказал, что сохранил заповеди от юности своей, кого Господь, по преданию, любил и кому Он сказал, что ему не хватает только одного: продать все свое имение и взять крест. (От Матфея. 19, 16-22; От Луки. 17, 18-23; От Марка, 10, 17-23)

“Продать все свое имение” означает, что он должен был отказаться от традиций своей религии, ибо человек тот был еврей, а также отказаться от всякой собственности, каковой была любовь к себе и к миру, а не к Господу; “следовать за Господом” означает признавать только Его и только Им быть направляемым. Вот почему Господь сказал также: “Почему называешь меня благим? Никто не благ кроме как Господь”. “Взять крест” означает восстать на борьбу против зла и лжи, которые проистекают из любви к самому себе. (А.Р. № 934)

3. Отвержение зла

В предыдущей главе было сказано о двух необходимых условиях благих деяний в жизни, а именно: что должна признаваться божественность Господа и что дурные поступки, запрещенные Десятью заповедями, должны быть отринуты, как грехи. Дурные поступки, упоминаемые в Десяти заповедях, охватывают всякое зло, которое бывает в жизни, ибо “десять” означает всеобщность.

Первая заповедь, “*Не поклоняйся другим богам*”, включает в себя преодоление любви к себе и к миру, ибо тот, кто превыше всего любит себя и мир, поклоняется другим богам, а для каждого Бог есть то, что он любит превыше всего.

Вторая заповедь, “*Не поминай напрасно имя Господне*”, включает в себя почтение к Писанию и к наставлениям, в нем содержащимся, а следовательно, и к церкви; то и другое нужно принимать всем сердцем, ибо это и есть “имя” Господне.

Пятая заповедь, “*Не укради*”, включает в себя отвержение обмана и незаконных приобретений, ибо то и другое суть кража.

Шестая заповедь, “*Не прелюбодействуй*”, включает в себя наслаждение блудом и отсутствие удовольствия в супружестве и в особенности грязные помыслы в отношении супружеской жизни, ибо все это есть прелюбодеяние.

Шестая заповедь, “*Не убий*”, включает в себя отсутствие ненависти к ближнему и любви к мести, ибо ненависть и месть сродни убийству.

Восьмая заповедь, “*Не произноси ложного свидетельства*”, включает в себя отвержение лжи и богохульства, ибо ложь и богохульство суть ложное свидетельство.

Девятая заповедь, “*Не пожелай имущества ближнего*”, включает в себя отсутствие желания обладать и завладеть для собственной выгоды имуществом других против их воли.

Десятая заповедь, “*Не пожелай жены и слуг ближнего*” и т.д., включает в себя отсутствие желания подчинить себе других и властвовать над ними, ибо то, что упомянуто здесь, принадлежит другим. Каждый может видеть, что эти восемь заповедей касаются зла, которое должно быть отвергнуто, и не имеют отношения к деяниям, которые нужно совершать. (АР, № 935)

Но я знаю, что многие в душе полагают, что никто не может сам по себе отвергнуть зло, упоминаемое в Десяти заповедях, ибо человек рожден в грехе и неспособен по собственной воле отринуть его. Но пусть каждый из них знает, что всякий, полагающий в душе, что Бог есть и что Господь есть Бог неба и земли, что Писание исходит от него и потому священо, что есть небеса и ад и есть жизнь после смерти, способен отвергнуть эти грехи. А тот, кто презирает эти истины и изгоняет их из своего ума, к тому неспособен. Ибо как может тот, кто вовсе не думает о Боге, считать тот или иной поступок грехом против Бога? И как может тот, кто не думает о небесах и аде и о загробной жизни, быть способным отвергнуть дурные поступки как грехи? Такой человек просто не понимает, что такое грех.

Человек находится посередине между небом и адом. С небес на него непрерывно изливается благо, из ада к нему непрестанно подступает зло. А человек, занимая срединное положение между небесами и адом, имеет свободу оценивать добро и зло. Эту свободу Господь никогда ни у кого не отбирает, ибо она принадлежит его жизни и является средством ее преобразования. Следовательно, поскольку человек свободно желает отвергнуть зло как грех и молит Господа о помощи, постольку Господь отнимает от него грехи и дарует ему способность как бы по своей воле противостоять им.

Каждый способен по своей природной свободе отвергнуть те же самые грехи, ибо они противны человеческим законам. Так поступает всякий подданный государства, который страшится наказания или потери жизни, репутации, чести, богатства и тем самым – потери своего положения, доходов и удовольствий. Это свойственно даже плохому человеку. И жизнь такого человека в ее внешнем выражении кажется в точности такой же, как жизнь того, кто отвергает эти дурные поступки, поскольку они противны законам Божиим. Но в ее внутреннем содержании она совершенно иная. Ибо в одном случае действуют только по своей природной свободе, которая идет от самого человека, а в другом – по свободе духовной, даруемой Господом. Если же человек способен отвергать зло исходя из своей природной свободы, то почему он не может отвергнуть их по своей духовной свободе, в которой Господь всегда дает ему пребывать, если он сам желает этого и к этому стремится,

потому что есть небеса и ад, жизнь после смерти, наказание и награда, и если он молит Господа о помощи?

Отметим, что всякий, решившийся жить духовной жизнью, потому что он хочет быть спасенным, поначалу боится грехов из-за мучений, претерпеваемых в аду, затем вследствие природы самих грехов, поскольку они сами по себе отвратительны, и, наконец, вследствие любви к истине и благу и, следовательно, ради самого Господа. Ибо поскольку человек любит истину и благо и тем самым – Господа, постольку же он отворачивается от всего противного этому, то есть от зла. Отсюда ясно, что тот, кто верует в Господа, отвергает зло как грех. И напротив: тот, кто отвергает зло как грех, верует. Следовательно, отвергать зло как грех есть признак веры. (АР, № 936).

Поскольку всякое зло, в котором рождается человек, коренится в желании властвовать над другими и в любви к обладанию имуществом других, и все удовольствия человеческой жизни проистекают из этих двух устремлений, то и удовольствие, рождаемое злом, принадлежит жизни самого человека. И поскольку зло принадлежит человеческой жизни, отсюда следует, что человек сам по себе неспособен отстраниться от него, ибо это означало бы, что жизнь должна отстраниться от самой себя. Поэтому дается возможность отойти от них благодаря Господу, и дается она в свободе иметь устремления сообразно желаниям и молить Господа о помощи. Человек имеет эту свободу, поскольку находится посередине между небом и адом и, следовательно, между добром и злом. Находясь посередине, он пребывает в равновесии и, следовательно, имеет свободу легко и как бы по собственной воле обратиться в ту или иную сторону, тем более что Господь постоянно дает отпор силам зла и возносит человека ближе к Себе. Но здесь не может не быть и постоянной борьбы, ибо силы зла в человеке постоянно находят поддержку в зле, поднимающемся из ада, и человек должен бороться с ними и притом как бы по собственной воле. Если он борется с ними по собственной воле, он не неспособен отстраниться от зла. (А.Р. № 938).

4.Очищение внутренности

Внутренность в человеке должна стать чистой, прежде чем благо, совершаемое им, станет действительно благим, ибо Господь говорит:

“Фарисей слепой! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их”. (От Матфея, 23, 26)

Внутренность человека очищается лишь по мере того, как он отстраняется от зла, в соответствии с Десятью заповедями. До тех пор, пока человек не отстраняется от зла и не отвергает его как грех, она составляет его внутреннее и являет собой своего рода вуаль, или покров, предстающие на небе в виде затмения солнца, скрывающего свет, или фонтана нечистой черной воды, от которой ничего не произрастает. Проявления этого начала в мире кажутся благом, но в действительности не являются таковым, поскольку заражены изнутри злом, ибо это благо фарисейское и лицемерное. Такое благо идет от человека и выражается в его заслугах.

Поскольку нужно удалить зло прежде чем добрые деяния станут действительным благом, Десять заповедей стали первой частью Слова Божьего,

которая была возведена на горе Синай до того, как Слово было записано Моисеем и пророками. Они учат не добру, которое надлежит совершать, а злу, которое следует отвергать. По той же причине они составляют первую часть обучения в церквях: их преподают мальчикам и девочкам для того, чтобы каждый мог начать вести христианскую жизнь и не забывать их в зрелом возрасте, хотя нередко случается обратное. То же самое имеется в виду в словах из *Исайи*:

“К чему Мне множество жертв ваших? Ваши жертвы и курения, новомесечия ваши и праздники ваши ненавижит душа моя... и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу... Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло... Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю”. (1, 11-19)

“Жертвы”, “скромные подношения”, “курения”, “новомесечия”, “праздники” и “молитвы” – все это относится к жертвоприношениям. О том, что все это является злом и даже мерзостью, если внутренность не очищена от скверны, говорится в следующих словах: “Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло”. А о том, что впоследствии все это становится благом, говорится в словах, помещенных далее. (АР, № 939)

Когда внутренность человека очищена от зла посредством отстранения от него и отвержения его как греха, открывается более высокое измерение внутренности, которое называется духовной внутренностью. Это измерение сообщается с небесами; следовательно, человек в таком случае получает доступ на небо и соединяется с Господом.

В человеке имеется два измерения внутреннего – одно вверху, а другое внизу. Пока человек живет в миру, он пребывает в том внутреннем, которое находится внизу и составляет содержание его мыслей, ибо такая внутренность является природной. Та же внутренность, которая располагается вверху, – это та, в которую человек входит после смерти, когда он попадает на небеса. Эта внутренность становится доступной тому, кто отвергает зло как грех, но она закрыта для тех, кто этого не делают, поскольку внутренность, оставаясь природной до тех пор, пока человек не очистит себя от грехов, есть ад. И пока она представляет собой ад, в нем не может открыться небо. Но в той мере, в какой в нем духовное внутреннее и небо открываются человеку, она очищается от ада, пребывающего в нем. Это осуществляется не сразу, но в известной последовательности, шаг за шагом. Отсюда ясно, что человек, предоставленный сам себе, есть ад и становится небом благодаря Господу; следовательно, он вырывается из ада и возносится на небеса к Господу не сам по себе, но благодаря определенным средствам. И этими средствами являются заповеди, с помощью которых Господь ведет того, кто желает быть ведомым. (АР, № 940)

Когда открывается духовная внутренность и тем самым достигается общение с небом и единение с Господом, человек достигает просветленности. Он просветляется в особенности тогда, когда читает Писание, поскольку Господь пребывает в Писании и Писание есть Божественная Истина, а Божественная Истина есть свет для ангелов. Человек просветляется в разуме, ибо последний составляет непосредственную основу духовного внутреннего и получает свет от неба и превращает его в свет природный, когда он очищен от зла. Тогда он наполняет его знанием добра и зла и приспособливает его к знанию мирскому ради выгоды и согласия. Так человек утверждает в себе разумное начало. Но заблуждается тот, кто полагает, что человек обладает разумом до того, как его природа очищена от зла, ибо понимание есть видение

истин церкви в небесном свете, а небесный свет не проливается на тех, кто не очистил себя. И по мере совершенствования понимания, рассеиваются неправды религии и невежества, а также всякая ложь. (АР, № 941)

Когда в человеке открывается внутренность, и он получает доступ на небеса, на него изливается небесный свет, и он переживает те же чувства, что и ангелы на небесах с их удовольствиями и наслаждениями. Первое чувство, которое дается ему – это приверженность к истине, второе – приверженность к благу, а третье – это приверженность к вынашиванию плодов. Ибо, когда человек получает доступ к небу, к его свету и теплу, он подобен дереву, произрастающему из своего семени. Его первые почки суть его просветление, его цветение – это приверженность к истине, созревание его плодов – это его приверженность к благу, а воспроизведение себя в новых деревьях происходит от любви к плодоношению духа. Тепло неба, которое есть любовь, и свет неба, который есть понимание истины, притекающее из этой любви, оказывают на одушевленные существа такое же воздействие, какое тепло и свет этого мира оказывают на существа неодушевленные. Это подобие возможно благодаря закону соответствий между миром земным и миром духовным. В обоих случаях вышеупомянутое воздействие свершается весной, а весна в жизни человека соответствует тому моменту, когда он входит в царствие небесное, что становится возможным, когда открывается его духовное внутреннее; прежде же того времени в его жизни царит зима. (АР, № 942)

Человек имеет приверженность к истине, когда он любит истину и отворачивается от лжи. Он имеет приверженность к благу, когда любит жизнь во благе и отворачивается от зла. Он имеет приверженность к обретению плодов, когда любит творить благо и приносить пользу другим. Вся небесная радость заключается в таких пристрастиях и истекает из них, и радость эту невозможно описать в словах, ибо она несравненна и вечна. В такое состояние приходит тот, кто отвергает зло как грех и устремляется к Господу; и в той мере, в какой он обретает это состояние, он отворачивается от зла и ненавидит его как грех и в сердце своем признает и чтит только Господа и Его Божественное в Человеческом. (АР, № 944)

Когда человек пребывает в этом состоянии, он поднимается над своей частной самостью (*proprium*), ибо человек тождествен своей самости в своем природном и внешнем состоянии, но возносится над ней, когда постигает духовную внутренность. Вознесение же свое человек узревает не иначе как в том, что не имеет злых помыслов и отвращается от них, но находит наслаждение в истине и благодеяниях. И если такой человек погружается глубже в это состояние, он способен постичь божественное наитие в своей жизни. Однако же он не теряет способности думать и желать как бы сам по себе, ибо сие угодно Господу ради его преображения. Тем не менее человек должен признать, что все благое и истинное истекает не от него, но единственно от Господа. (АР, № 945)

Отсюда следует, что, когда человек отвергает зло как грех и возносится Господом на небо, он пребывает уже не в своей самости, но в Господе, и поэтому он мыслит и желает благое. Опять-таки, поскольку человек действует так, как мыслит и желает, то отсюда следует, что, когда он отвращается от зла как от греха, он творит благо от Господа, а не от себя – вот почему отвержение зла есть творение блага. Добро, совершаемое человеком таким образом, как раз и означает благодеяния, а благодеяния в их совокупности означают милосердие.

Человеку будет недоступно преобразование до тех пор, пока он думает и желает сам по себе, ибо все, содеянное им таким образом, принадлежит только ему и останется с ним, тогда как содеянное не собственной волей человека, не будучи воспринимаемо в каком бы то ни было смысле, свободно истекает в мир, подобно эфиру. Вот почему Господу угодно, чтобы человек не только как бы по собственной воле отвратился от зла, но также как бы сам собою думал, желал и действовал, в душе признавая, что все это идет от Господа. Это он должен признать, ибо этой есть истина. (АР, № 946)

5. Смысл религии

Религия состоит в жизни согласно Божьим заповедям, которые кратко изложены в Десяти заповедях. Тот, кто не живет согласно им, не имеет и религии, поскольку он не боится Бога и еще менее имеет в себе любви к Богу; не боится он и людей и еще менее имеет любви к ним. Может ли тот, кто крадет, прелюбодействует, убивает, лжесвидетельствует, бояться Бога или людей? Впрочем, каждый может жить согласно заповедям, и тот, кто обладает мудростью, поступает таким образом как гражданин, нравственный человек и природный человек. И, однако же, тот, кто не живет согласно им как духовный человек, не будет спасен, ибо жить согласно заповедям означает жить ради Божественного, содержащегося в них; жить согласно заповедям в качестве гражданина означает жить ради справедливости и благополучия в этом мире; жить согласно заповедям в качестве нравственного человека означает жить ради чести и славы; жить согласно заповедям означает жить в угоду человеческим понятиям с целью избежать репутации безумца.

Все законы, гражданские, моральные и природные, запрещают красть, прелюбодействовать, убивать, произносить ложное свидетельство, но человек обретает спасение не отвержением зла на основании только этих законов, но отвержением его исходя из духовного закона, то есть отвергая его как грех. Такой человек имеет религию и веру в Бога, в небеса и ад и в жизнь после смерти. Также этот человек ведет жизнь гражданскую, нравственную и природную, ибо он понимает, что такое справедливость, честь и человечность.

Тот же, кто не живет согласно заповедям как духовный человек, не есть ни гражданин, ни нравственный, ни природный человек, ибо в нем нет ни справедливости, ни чести, ни даже человечности, поскольку в его жизни нет ничего Божественного. Ничто само по себе не может быть справедливым, нравственным и подлинно человеческим, но только от Бога и когда в этом есть Божественное. Подумайте, может ли тот, кто носит в себе ад и сам уподобляется дьяволу, сделать что-либо справедливое из чувства справедливости или ради справедливости? Или сделать что-либо нравственное и человеческое? Подлинно человеческое происходит из порядка и согласуется с ним; также оно идет от неоспоримой разумности. Бог же есть порядок, и разумность тоже от Бога. Одним словом, тот, кто не отвергает зло как грех, не есть человек. И всякий, кто делает заповеди своей религией, становится гражданином и вместе обитателем неба, а тот, кто не делает заповеди свой религией, даже если внешне он соблюдает заповеди из природных, нравственных или гражданских соображений, является обитателем этого мира, а не небес.

Большинство народов обладают знанием этих заповедей, сделали их заветами своей религии и живут согласно им, ибо так угодно Богу, и так Он

заповедовал. И таким образом они могут общаться с небесами и соединиться с Богом и тем самым – спастись. Но большинство людей в нынешнем христианском мире не делают заповеди своей религией, а относятся к ним как к правилам гражданской и нравственной жизни, поступая так потому, что не хотят выглядеть обманщиками, ворами, прелюбодеями, человеконенавистниками или ложно свидетельствующими. Они отстраняются от этих злодеяний не потому, что это грехи против Господа, но потому, что боятся потерять свою жизнь, репутацию, должность, занятие, имущество, честь, доходы или удовольствия. Следовательно, если бы их не стесняли правила общества, они бы делали все это. И поскольку, пребывая в этом состоянии, они не способны общаться с небом и Богом, они не могут спастись.

Помыслите теперь в отношении самого себя: когда внешние стеснения исчезают, как случается с человеком после его смерти. При отсутствии правил внутренних, которые идут от страха Божьего и удерживают человека от нечестивых поступков, разве не пустились бы вы, словно сам дьявол, в грабежи, прелюбодеяния, убийства, лжесвидетельства и всякого рода низменные наслаждения? Я видел и слышал, что часто именно так и случается. (АР, № 948)

Насколько злодеяния отставлены человеком как грех, настолько в него входит благо и человек творит благо не от себя самого, но от Господа.

Во-первых, насколько человек не поклоняется другим богам и тем самым не любит превыше всего себя и мир, настолько от Господа нисходит признание Бога, и человек чтит Бога не от себя, но от Господа.

Во-вторых, насколько человек не оскверняет имя Божие, то есть насколько он отвращается от наслаждений, проистекающих из любви к себе и к миру, настолько он любит священство Писания и церкви, ибо то и другое суть имя Божие, и любовь к себе и к миру оскверняет их.

В-третьих, насколько человек отвергает кражи и тем самым – обман и незаконные приобретения, настолько в нем воцаряются искренность и справедливость, так что он любит искренность и справедливость и поступает соответственно не от себя самого, но от Господа.

В-четвертых, насколько человек отвергает прелюбодеяние и тем самым – распущенные и грязные помыслы, настолько в него входит супружеская любовь, каковая есть глубочайшая небесная любовь, исполненная целомудрия.

В-пятых, насколько человек отвращается от убийства и тем самым – от смертельной ненависти и мести, настолько входит в него Господь, несущий милосердие и любовь.

В-шестых, насколько человек отвращается от лжесвидетельства и тем самым – от лжи и богохульства, настолько в него входит истина Господа.

В-седьмых, насколько человек отвращается от желания завладеть чужим имуществом и тем самым – от посягательств на чужие права, настолько входит в него от Господа любовь к ближнему.

В-восьмых, насколько человек отвращается от желания завладеть чужими женами и слугами и тем самым – от стремления властвовать над другими, настолько в него входит любовь к Господу.

Эти восемь заповедей указывают на зло, которое следует отвергнуть, тогда как две других заповеди, а именно третья и четвертая, называют некоторые вещи, которые нужно исполнять, например: субботу надлежит свято блюсти, а родителей следует чтить. Но о том, как следует понимать две эти заповеди с точки зрения христианской церкви, будет сказано ниже. (АР, № 949).

Часть вторая

Заповеди

1. Первая заповедь

“Не имей других богов” означает также не любить превыше всего самого себя и мир, ибо то, что человек любит превыше всего, и есть его бог. Существуют два прямо противоположных вида любви: любовь к себе и любовь к Богу, а также любовь к миру и любовь к небу. Тот, кто любит себя, любит свою самость (*proprium*), и поскольку самость есть не что иное, как зло, он также любит зло во всех его проявлениях, а тот, кто любит зло, ненавидит благо и тем самым – Бога. У того, кто превыше всего любит себя, помыслы и чувства пленены телом и тем самым – самостью, и поэтому такой человек не может вознестись к Господу. Когда же человек пленен телом и самостью, он захвачен телесными устремлениями и удовольствиями, которые относятся единственно к жизни тела, и потому пребывает в полном неведении относительно высших предметов, тогда как тот, кто возносится к Господу, пребывает в свете. Тот, кто пребывает во тьме и не видит Бога, отрицает Его существование и признает богом либо природу, либо какого-либо человека или идола и даже сам желает, чтобы ему поклонялись, как богу. Из этого следует, что тот, кто превыше всего любит себя, поклоняется другим богам.

То же самое верно, но в меньшей степени, в отношении того, кто любит мир, ибо любовь к миру не может быть так же велика, как любовь к своей самости. В сущности, мир любят вследствие и ради любви к самому себе. Любовь к себе означает в особенности любовь к властвованию над другими единственно из удовольствия властвования и ради прославления себя, а не ради общего блага. Любовь же к миру означает в особенности любовь к обладанию благами мира единственно из удовольствия владения ими и ради собственного обогащения, а не ради благоустройства жизни. Оба этих вида любви не имеют предела и не могут прекратиться вовеки. (АР, № 950)

В мире не верят, что любовь к властвованию только из любви к власти и любовь к обладанию благами только из любви к владению содержат в себе все возможное зло, а также отрицание всего, что относится к небу и церкви. Полагают даже, что любовь к себе и к миру может подвигнуть человека на совершение добрых дел для церкви, страны, общества и ближнего, ибо благодаря ей эти добрые дела могут выглядеть почетными и заслуживающими награды. Поэтому многие называют эти два вида любви огнем жизни и восхищением перед ее величием.

Однако нужно заметить, что в той мере, в какой эти виды любви ставят на первое место общую пользу, а на второе себя, они являются благами, тогда как если они ставят на первое место себя, а на второе общую пользу, они причиняют вред, поскольку во втором случае во всем, что делает человек, присутствует его самость, которая сама по себе есть только зло. Ставить же общую пользу на первое место, а собственные интересы на второе – значит делать добро для церкви, страны, общества и ближнего, и добро, которое творит

в данном случае человек, идет не от него, а от Господа. Различие между этими двумя позициями подобно различию между небом и адом. Сам же человек этого различия не знает, ибо от рождения и, стало быть, от природы пребывает в любви к самости и к миру и получает удовольствие от нее.

Но пусть такой человек знает, что любовь к властвованию только из наслаждения властью, а не ради общей пользы – всецело дьявольская и что такого человека можно назвать безбожником, ибо, покуда он пребывает в этой любви, он не признает в душе своей существование Бога и в той же мере презирает церковь. Он даже ненавидит и злобно преследует всех, кто признают Бога и в особенности тех, кто признают Господа. Главное наслаждение в жизни такого человека – это творить зло и совершать всякого рода отвратительные и бесчестные поступки. Одним словом, такие люди подобны самому дьяволу.

Все это неведомо человеку, покуда он живет в мире, но он узнает об этом, когда приходит в духовный мир сразу после смерти. Ад полон таких людей, которые там не властвуют, а, наоборот, безвластны, как рабы. Более того, в свете небес они выглядят перевернутыми, так что их головы обращены вниз, а ноги – вверх, поскольку в своей жизни они ставили на первое место правило, а на второе место – пользу. (АР, № 951)

Ошибается тот, кто думает, что признает Бога и верует в него, покуда он не отвергнет зло, упоминаемое в Десяти заповедях, и в особенности любовь к власти из чистого наслаждения властвования и любовь к обладанию из чистого удовольствия владения. Пусть даже человек глубоко убежден из Писания, из проповедей, из книг и из света разума, что Бог есть, – все же он не верует в Бога до тех пор, пока не искоренит в себе любовь к самости и к миру. Причина же этого в том, что зло и доставляемые им удовольствия преграждают ему дорогу и не дают укорениться в нем наслаждениям небесной жизни. А пока в человеке нет небесной жизни, он верует только на словах, что нельзя и назвать верой, и в нем нет веры сердца, каковая и является верой истинной. Вера на словах относится к внешнему, вера сердца – к внутреннему в человеке. И если внутренность заполнена злом, а внешнее устраняется (как происходит с человеком после его смерти), человек отказывается и от веры в Бога. (АР, № 952)

В той мере, в какой человек сопротивляется двум вышеназванным видам низшей любви и, следовательно, отвергает запрещенные заповедями дурные поступки как грех, в него входит с небес понимание того, что существует Бог, который есть Творец и Блюститель вселенной, и что Бог един. Такое понимание приходит в силу того, что с устранением зла открывается небо и человек больше не мыслит от себя, но от Господа, и он понимает, что есть Бог и Бог един и являет собой всеобщий принцип на небесах, объемлющий все сущее. То, что человек благодаря небесному наитию знает и как бы видит, что Бог един, можно видеть из религии всех народов, а также из естественного отвращения к мысли о множественности богов.

Внутренние мысли человека, они же мысли его духа, происходят либо от ада, либо от неба: их исток есть ад, пока зло не устранено, и они внушаются небом после того, как зло устранено. Когда мысли внушаются адом, человек видит лишь то, что природа есть бог и сокровенная сущность природы – это Божественное. Когда такой человек становится духом после смерти, он называет богом каждого, кто обладает могуществом, и сам стремится к обладанию могуществом, чтобы его могли считать богом. Всякое зло носит в

своём духе такое безумие. Но когда человек мыслит от неба, он видит в свете неба, что Бог есть и Он един. Видеть в свете небес как раз и означает иметь наитие с небес. (АР, № 954)

Когда человек отвращается от зла как от греха, он начинает видеть не только то, что Бог един, но что Бог есть Человек. Ибо он хочет видеть своего Бога и не может видеть Его иначе как в образе Человека. Так видели Бога древние до Авраама и после него. Так же народы вне церкви видят Бога внутренним узрением, особенно те из них, которые обладают внутренней мудростью, не связанной, однако, со знанием. Так же видят Бога дети, юноши и простые благонамеренные взрослые. И так же видят Бога жители всего мира, ибо они заявляют, что незримое, поскольку оно не может быть мыслимо, не является предметом веры. Причина этого в том, что человек, отвергнувший зло как грех, мыслит от неба, и все на небесах понимают Бога как Человека и не могут иметь иного понимания Бога, поскольку все небо и есть человек в его наивысшем воплощении, и Божественное, исходящее от Господа, как раз и составляет небо. Поэтому мыслить Бога иначе чем в соответствии с его Божественной, то есть человеческой, формой и невозможно для ангелов, поскольку мысли ангелов пронизывают всю жизнь на небесах.

(О том, что небо соответствует одному человеку см. “О Небесах и об аде”, № 51-86; о том, что ангелы мыслят в соответствии с формой неба см. там же, № 200-212).

Эта идея Бога нисходит с неба на всех живущих в мире и присутствует в их духе. Но от нее отворачиваются те члены церкви, которые в уме своём привержены своей самости. Происходит же это в силу того, что они мыслят о Боге в понятиях пространства. Когда же они становятся духами, их образ мыслей совершенно меняется, как было не раз явлено мне. Ибо в духовном мире неопределённая идея Бога не может существовать – там есть только идея Того, кто имеет своё место наверху или ещё где-либо и кто даёт ответы.

От наития, исходящего из духовного мира, люди получают представление о Боге как о Человеке, которое различается в зависимости от качества восприятия. По этой причине триединый Бог именуется у нас Ликами, а на изображениях в церквях Бог-Отец представлен как человек Ветхий Днями. Также благодаря наитию из духовного мира люди, живые или покойные, которые зовутся святыми, почитаются как боги простыми людьми церкви, которые поклоняются их скульптурам. То же относится ко многим другим народам в древней Греции, Риме и в Азии, которые имели много богов, считавшихся людьми. Все это указывает на существование определённой интуиции в человеческом духе, которая позволяет видеть Бога как человека. Такая интуиция проистекает из общего наития небес. (АР, № 955)

Поскольку человек благодаря небесному наитию в духе своём видит, что Бог есть Человек, то отсюда следует, что члены церкви, в коей пребывает Писание, отринув зло как грех, видят в небесном свете, в котором они пребывают, Божественное в Богочеловеке и триединство в Нем, а также то, что Он есть Бог неба и земли. Те же, кто по разумению, идущему от своей самости, отвернулись от идеи Бога как Человека, не способны видеть это. Равным образом не могут они из троичности, данной в мыслях, увидеть то, что Бог един. Они называют Его единым только на словах. И те, кто не очистились от зла и, следовательно, не пребывают в свете небес, не видят в духе своём, что Господь

есть Бог неба и земли и вместо Господа признают кого-то другого: некоторые заменяют Его тем, кого они зовут Богом-Отцом, другие – тем, кого они называют Богом вследствие его могущества, третьи же – некоего демона, которого они боятся, потому что он может наслать на них несчастья, четвертые – природу, как она раскрывается в мире. Есть, наконец, и такие, которые вовсе не видят никакого Бога. Я говорю *в их духе*, поскольку такое видение открывается им после смерти, когда они становятся духами. Тогда то, что остается тайным в этом мире, становится явным. Но те, кто находятся на небесах, признают только Бога, ибо все небо состоит из Божественного, исходящего от Него, и соответствует ему как Человеку. По этой причине никто не может попасть на небо иначе как будучи единым с Господом, ибо он входит в Господа, когда он входит в царствие небесное. Если же входит кто-то другой, он тут же лишается разума и низвергается вниз. (АР, № 956)

Идея Бога – главенствующая среди всех идей. Какова это идея, таковы и способы сообщения человека с небом и его единения с Господом, таковы же и его просветленность, его приверженность к истине и благу, его восприятие, ум и мудрость. Ибо все это идет не от человека, но от Господа и от единения с ним. Идея Бога – это идея Господа и его Божественного, ибо Он сам и есть Бог неба и земли, как Он сам свидетельствует:

“Дана мне всякая власть на небе и на земле” (*От Матфея. 28, 18*)

Идея Господа может представлять более или менее полной и ясной. Она полная в глубочайшем небе, менее полная посередине и еще менее полная во внешнем небе. Поэтому, те кто пребывают в глубочайшем небе, обладают мудростью, пребывающие посередине – умом, а те, кто пребывают во внешнем небе, – знанием. Идея Бога наиболее ясна для ангелов, находящихся в средоточии небес, и менее ясна среди тех, кто находится на его окраинах в зависимости от удаленности от центра. Все обитатели небес имеют отведенные им места в соответствии с полнотой и ясностью их идеи Господа, и они наделены соответствующими этой идее мудростью и блаженством. Все те, кто не имеют представления о Господе как о Божественном, находятся ниже неба и не ведают блаженства. Обладающие двойственной идеей, а именно: идеей невидимого Бога и Бога в человеческом образе тоже занимают свое место под небом и не получают доступа на небеса до тех пор, пока не признают одного Бога и Его видимого образа. Некоторые вместо видимого Бога видят некие воздушные явления, и это происходит потому, что Бог называется духом. Если такое представление не сменится у них идеей Человека и тем самым Господа, они тоже не получают доступа на небо. Но те, кто мыслят Бога как сущность природы, отлучены от неба, поскольку они не могут не придти к идее природы как Бога. Все народы, которые верят в единого Бога и имеют представление о нем как о Человеке, угодны Господу. Из всего этого можно видеть, кто такие почитающие Самого Бога и кто такие почитающие других богов и, следовательно, кто живет в согласии с первой заповедью и кто не живет так. (АР, №957)

2. Вторая заповедь

Вторая заповедь гласит: “Не поминай имя Божие напрасно”.

Прежде всего следует пояснить, что означает здесь “имя Божие”, а затем нужно разъяснить, что такое “помянуть напрасно”. “Имя Божие” означает

всякое качество, которое делает Бога предметом поклонения. Ибо Бог пребывает в Его качестве и есть Его собственное качество. Его сущность есть Божественная любовь, а Его качество – Божественная истина, которая едина с Божественным благом. Поэтому сказано:

“Слово было с Богом, и Слово было Бог” (От Иоанна, 1, 1)

Это есть также учение о подлинных истине и благе, исходящих из Слова, ибо поклонение свершается в соответствии с ним.

Поскольку Его качества многообразны вследствие того, что он обнимает все сущее, у Него есть множество имен, и каждое имя выражает Его качество как в общем, так и в частности. Его зовут “Иегова”, “Господь”, “Господь Иегова”, “Бог”, “Мессия (или Христос)”, “Иисус”, “Спаситель”, “Икупитель”, “Творец”, “Создатель”, “Царь”, “Единый Святой Израиля”, “Скала” и “Столп Израиля”, “Всемогущий”, “Давид”, “Пророк”, “Сын Божий” и “Сын Человеческий” и т.д. Все эти имена суть имена одного Бога, который есть Господь, но когда они употребляются в Писании, они обозначают какое-либо всеобщее Божественное качество или качество отличное от прочих Божественных атрибутов. Точно так же, когда он именуется “Отцом, Сыном и Святым Духом”, речь идет не о трех, а об одном Боге, и эта Троица, которая суть одно, есть Господь.

Поскольку каждое имя обозначает определенный атрибут или качество, “помянуть имя Божие напрасно” означает профанировать не только Его имя, но и Его качество. “Имя” обозначает качество в силу того, что на небе каждый именуется сообразно его качеству, а качество Бога или Господа есть все, что исходит от Него и благодаря чему Ему поклоняются. По этой причине, поскольку в аду не признаются никакие Божественные атрибуты Господа, там невозможно произнести имя Божие. И в духовном мире Его имя может выговорить лишь тот, кто признает Его Божественность. Ибо там все говорят сердцем и, следовательно, вследствие любви и признания Бога. (АР, № 959)

Поскольку “имя Божие” относится к тому, что исходит от Бога и само есть Бог, и это есть Божественная истина, а для нас – Писание, сие нельзя помянуть напрасно, ибо оно само по себе Божественно и свято. И оно “поминается напрасно”, когда отрицается его святость, когда его презирают и отвергают. Когда это происходит, для человека закрываются небеса, и он предоставлен аду. Ибо Слово Божие – единственное средство единения неба и церкви, и когда это единение разорвано и человек оказывается предоставленным аду, он более не признает ни одной истины церкви.

Есть две вещи, вследствие которых небо закрывается для людей церкви. Одна из них – отрицание Божественности Господа, а другая – отрицание святости Писания, ибо Божественность Господа есть небо в его совокупности, а Божественная истина, которая есть Писание в Его духовном смысле, есть то, что образует небо. Отсюда ясно, что тот, кто отрицает одно или другое, лишает себя возможности сообщаться с небесами. Профанировать Писание – это все равно, что “изрыгать хулу на Святой Дух”, что не прощается никому. Поэтому в этой заповеди сказано, что тот, кто поминает имя Божие напрасно, не будет оставлен без наказания. (АР, № 960)

Поскольку под “именем Божиим” подразумевается Божественная истина Писания, а его помянутие всеу означает отрицание Его святости, имя Божие профанируется внутренне жизнью противной Десяти заповедям. Ибо существуют профанация внешняя и профанация внутренняя, а также

одновременно внутренняя и внешняя. Внутренняя профанация относится к жизни, внешняя выражается в слове. Внутренняя профанация становится также внешней после смерти, ибо тогда каждый мыслит и желает и, насколько возможно, действует и говорит сообразно его жизни. В мире человек вынужден ради репутации и мирских приличий говорить и действовать иначе, чем он мыслит и желает. Профанация чисто внешняя возможна также вследствие стиля Писания, который отличается от всех стилей, принятых в мире, и по этой причине Писание могут презирать вследствие непонимания его внутренней святости. (АР, № 962)

Тот, кто воздерживается от поминания имени Божьего напрасно и, следовательно, от профанации святости Писания, имеет религию и насколько воздерживается, настолько и имеет ее. Ибо никто не может иметь религии иначе как от откровения, а для нас откровением является Писание. Воздержание от профанации Писания должно исходить из сердца, а не просто из уст. Те, кто воздерживаются в сердце своем, живут по религии, но те, кто воздерживаются только на словах, не живут по религии, ибо они воздерживаются либо ради себя, либо ради мира, так как Писание служит им лишь средством приобретения славы или богатства. Или же они воздерживаются из страха. Но среди таких немало лицемеров, не имеющих религии. (АР, № 963)

3. Третья заповедь

Третья заповедь гласит: “Помни день субботний, чтобы святить его”.

Третья и четвертая заповеди содержат предписания, которые надлежит выполнять, а именно: святить субботу и чтить родителей. И надо сказать, что святость остальных заповедей зависит от исполнения этих двух, поскольку “суббота” означает союз в Господе самого Божественного и Божественного Человеческого, а также Его единение с небом и церковью и тем самым – обручение блага и истины в человеке, обретающем новую жизнь. По этой причине суббота – главное выражение всего относящегося к поклонению в церкви Израиля, как можно видеть из книги Иеремии (17, 20-27) и из других мест. Так было потому, что первое условие поклонения – это признание Божественного в Богочеловеке, ибо без такого признания человек может верить и действовать только от себя, а верить от себя – значит обманываться, действовать же от себя – значит творить зло, как видно из слов Господа:

“Итак сказали ему: Что нам делать, чтобы творить дела Божии?” Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал” (*От Иоанна, 6, 28, 29*)

И там же:

“Кто пребывает во мне и я в нем, тот принесет много плода; ибо без меня не можете делать ничего” (*От Иоанна, 15, 5*)

То, что суббота представляла этот союз и его признание, было показано в “Небесной Тайне”, а именно: что “суббота” означает высший смысл союза Божественного и Богочеловеческого в Господе, во внутреннем смысле – единение Богочеловека с небом и церковью, а в общем виде – единение истины и блага, то есть небесное обручение (№ 8495, 10356, 10730). Следовательно, отдых в день субботы означал это единение, ибо Господь в этот день отдыхает. Также благодаря этому единению на небесах возможны мир и спасение на небе.

(№ 8494, 8510, 10360, 10367, 10370, 10668, 10730). Шесть дней, предшествующих субботе, означают труды и борения, которые предваряют мир и единение. (№ 8510, 8888, 9431, 10360, 10667). Человек, воскресающий к новой жизни, пребывает в двух состояниях: первое – когда он пребывает в истине и посредством истины ведом к благу и во благо; второе – когда он пребывает в благе. В первом состоянии человек еще переживает борения и соблазны, во втором – пребывает в безмятежности мира. Первое состояние обозначается шестью днями трудов, которые предшествуют субботе, а второе обозначается отдыхом в день субботы (№ 9274, 9431, 10360). Господь тоже находился в двух состояниях: первое – когда Он был Божественной истиной и от нее боролся с адом и подчинил его, а второе – когда Он стал Божественным благом благодаря союзу с самим Божественным в Себе (№ 10360). Вот почему суббота является главным выражением поклонения, священнейшим из всех (№ 10357, 10372). “Трудиться в день субботы” означало быть ведомым не Господом, но самим собой и, следовательно, быть в разладе (№ 7893, 8495, 10360, 10362, 10365). Ныне день субботы не есть выражение святости, но является днем наставлений (АР, № 965).

4. Четвертая заповедь

Четвертая заповедь касается почитания родителей.

Эта заповедь была дана потому, что почтение к родителям представляло и тем самым обозначало любовь к Господу и любовь к церкви, ибо “отец” в небесном смысле, то есть небесный отец, есть Господь, а мать в небесном смысле, то есть небесная мать, есть церковь. “Почитание” означает здесь благо любви, а “до скончания дней”, означает счастье вечной жизни. Там понимается эта заповедь на небесах, где не известен никакой отец кроме как Господь и никакая мать кроме как царство Господа, которое тоже есть церковь. Ибо Господь дает жизнь от себя, а посредством церкви окормливает духовно. О том, что в небесном смысле не может быть отца в мире, Господь учит сам:

“Отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах”
(От Матфея, 23, 9).

То, что “Отцом” зовется Господь в его отношении к Божественности можно видеть в “Апокалипсисе Разъясненном” (№ 32, 200, 254, 297). То, что “Мать” означает царство Господа, церковь и божественную истину, можно видеть в “Небесной Тайне” (№ 289, 2691, 2117, 3703, 5581, 8897). Выражение “до скончания века” означает блаженство вечной жизни (№ 8998), а “почитание” означает благо любви (№ 8897). Из всего этого ясно, что третья и четвертая заповеди вмещают тайну, относящуюся к Господу, а именно: признание и исповедание Его Божественности и поклонение Ему из блага любви. (АР, № 966).

5. Пятая заповедь

Пятая заповедь гласит: “Не укради”.

В данном случае имеется в виду как скрытая, так и явная “кража”, в том числе незаконное ростовщичество и доходы, полученные обманным путем или

тайно. Такие приобретения часто имеют распорядители чужих богатств, купцы или судьи, которые выносят приговоры за деньги и тем самым торгуют правосудием. Все это и многие другие подобные деяния суть кражи, и их нужно отвергнуть как грех против Господа, так как они противны Божественным законам, которые содержатся в Писании, и всеобщему закону всех религий мира. Ибо Десять заповедей суть всеобщие правила, данные для того, чтобы люди могли жить в согласии с религией, ибо благодаря жизни в согласии с религией человек соединяется с небом, тогда как жизнь в согласии с общественными и нравственными законами соединяет человека только с миром, а не с небесами, а быть приобщенным к миру, а не к небу, значит быть приобщенным к аду. (АР, № 967)

Человек сотворен так, что являет собой образ неба и образ мира, ибо он есть микрокосм. От родителей он рождается как образ мира, но он рождается вновь в образ небесный. Родиться вновь значит возродиться, и возрождается человек Господом с помощью истин Писания и жизни, им соответствующей. Человек есть образ мира по своему природному уму и образ неба по своему духовному разуму. Природный ум, который есть мир, находится внизу, а духовный разум, который есть небо, – вверху. Природный ум полон всякого рода дурных помыслов, таких как кражи, прелюбодеяния, убийства, лжесвидетельства и даже богохульство. В естественном уме гнездится удовольствия от помышлений, желаний и осуществления этого зла.

Все эти помыслы унаследованы человеком от его родителей, ибо человек рождается и вырастает в подобном состоянии ума и удерживается от дурных поступков только узами гражданских законов и нравственной жизни. Кто не способен видеть, что Господь не может войти в такого человека и научить и направить его до тех пор, пока это зло не будет устранено в нем? Ибо эти дурные помыслы подавляют, отталкивают и извращают истины и блага небес, которые нисходят на нас сверху. Ибо зло идет от ада, а благо от неба, и все, что принадлежит аду, дышит ненавистью по отношению к небесным вещам.

Итак, прежде чем Господь может войти в человека и превратить его в образ неба, зло, наполняющее природный ум, должно быть устранено. А поскольку зло должно быть устранено, прежде чем Господь сможет наставить человека, становится ясным, почему в восьми заповедях из десяти указаны дурные деяния, от которых нужно отказаться, а не добрые дела, которые нужно делать. Добро не существует наравне со злом или до того, как зло устранено, ибо до тех пор небо не может быть доступным человеку. Человек подобен темному морю, воды которого должны быть отведены с обоих берегов, прежде чем Господь в облаке и в огне может открыть путь сынам Израиля. “Темное море” означает ад, “фараон и египтяне” – природного человека, а “сыны Израиля” – духовного человека. (АР, № 969)

Общение с небом невозможно, пока природный ум заполнен злом и ложью, которые подобны темному облаку между солнцем и глазом или стене между небесным светом и огоньком свечи в комнате. Ибо пока человек прибывает в свете только природного ума, он подобен тому, кто заперт в комнате и живет при свете свечи. Но как только он устраняет все зло и ложь своего ума, он подобен тому, кто через окно в стене увидел мир в сиянии небес. Ибо как только зло устранено, в человеке открывается духовный разум, и этот разум являет собой образ неба. Через этот разум Господь входит в человека и дает ему способность видеть вещи в свете небес, благодаря чему он

преображает природного человека и в конце концов вводит его в новую жизнь. Господь свершает это посредством духовной любви, которая есть любовь к истине и благу. Тогда человек пребывает между двух видов любви: любви к злу и любви к благу, и по мере того, как любовь к злу убывает в нем, любовь к благу в нем растет. Любовь же к злу убывает исключительно от жизни в согласии с Десятью заповедями, то есть отречения от зла как исчадия ада.

Одним словом, пока человек не отрекается от зла как от греха, его духовный разум закрыт. Но как только он отрекается от зла таким образом, его духовный разум раскрывается, а вместе с этим ему открываются небеса. Тогда человек начинает видеть в новом свете все относящееся к церкви, небу и вечной жизни, хотя пока человек живет в этом мире, различие между его прежним и новым видением едва заметно, ибо, находясь в этом мире, человек мыслит природным образом даже о духовных вещах. Однако в духовном мире духовные предметы становятся явными. (АР, № 970)

Поскольку человек отвращается от зла как греха, на него нисходит благо от Господа. Это благо, нисходящее на него, есть приверженность к знанию к пониманию истины и желание творить благо. Но человек не может отвращаться от зла сам по себе, ибо сам пребывает во зле от рождения, то есть по своей природе. Зло не может само собою отвергнуть себя, ибо это было бы подобно отвержению человеком своей собственной природы, что невозможно. Следовательно, сам Господь, Который есть Божественное благо и Божественная истина, побуждает человека отвратиться от зла.

Тем не менее человек должен отвергнуть зло как бы сам по себе, ибо то, что человек делает сам по себе, становится его собственным достоянием, тогда как то, что он не делает как бы от самого себя, не становится его достоянием. Что нисходит на человека от Господа должно быть принято человеком, и оно не может быть принято, если человек не делает этого сознательно, то есть как бы сам по себе. Это соответствие между Господом и человеком есть необходимое условие преобразования.

Вот почему человечеству даны Десять заповедей, и в них заповедовано, что человек не должен поклоняться другим богам, поминать напрасно имя Божие, красть, прелюбодействовать, убивать, завладевать чужим домом, женой, слугами и тому подобным и что человек должен воздерживаться от этих поступков, потому что считает их грехами против Господа и самих по себе – исчадием ада. В той мере, в какой человек отвергает это зло как грех, в него входят благо и истина от Господа, и эта любовь в свою очередь побуждает его отвращаться от зла как от греха. И по мере того, как любовь к истине и благу изгоняет это зло из человеческого сердца, человек отвергает их не от себя, но от Господа. Если человек воздерживается от зла только из страха перед адскими наказаниями, оно уходит, но на его месте не воцаряется благо, ибо как только пропадает страх, зло возвращается.

Только человеку дано мыслить о добре и зле как бы от себя, то есть что благо следует любить и творить, поскольку оно Божественно и вечно, а зло не следует творить, поскольку оно принадлежит дьяволу и тоже вечно. Животное может делать доброе и воздерживаться от зла, но не само по себе, а вследствие инстинкта, привычки или страха. Следовательно, тот, кто полагает, что человек отвергает зло и стремится к благу не как бы сам по себе, а от неуловимого наития или от вмешательства Господа, придерживается той точки зрения, что

человек подобен животному, не имеющему ни мысли, ни восприятия, ни устремления к истине и благу.

То, что это так, стало известно мне благодаря многочисленным видениям духовного мира. Каждый человек после смерти готовится там либо к небесам, либо к аду. В том, кому суждено быть на небе, удаляется все злое, а в том, кому суждено быть в аду, удаляется все благое. И все эти перемены свершаются как бы самим человеком. Подобным же образом те, кто творят злодеяния, принуждаются наказаниями как бы по собственной воле отречься от них, но если они сами не желают делать этого, наказания не будут иметь результата. Отсюда следует, что те, кто ожидают наития от Господа или Его благотворного вмешательства со сложенными руками, продолжают пребывать в состоянии прельщения злом.

Отвергнуть зло как грех – значит отринуть адские сообщества, соответствующие ему, и человек не может отринуть их до тех пор, пока сам не отвернется от них с отвращением, пока он не полюбит благо и вследствие этой любви не прекратит желать зла. Ибо человек должен желать либо добра, либо зла и насколько он желает добра, настолько он не желает зла. И им даровано творить добро в той мере, в какой он следует предписаниям Десяти заповедей как своей религии и живет в соответствии с ними.

Поскольку человек должен как бы по собственной воле отвергнуть зло как грех, Десять заповедей были начертаны Господом на двух скрижалях, и они были названы договором. И соблюдение заповедей подобно исполнению договора между двумя сторонами, а именно: одна сторона предлагает, а другая соглашается. При отсутствии согласия нет и договора. Принять же договор в данном случае означает мыслить, желать и действовать как бы по собственной воле. Но отвержение человеком зла как греха и его желание творить добро как бы по собственной воле свершается не им самим, но Господом.

Сие свершается Господом из воздаяния и последующего единения. Ибо Божественная любовь Господа такова, что она желает, чтобы принадлежащее ей принадлежало также и человеку, а поскольку эта любовь, будучи Божественной, не может принадлежать человеку, она предстает *как бы* принадлежащей человеку. Таким образом достигается единение Господа и человека, то есть человек пребывает в Господе, а Господь – в человеке согласно словам Господа в Евангелии от Иоанна (14, 20). То, что человек делает как бы от себя, он делает по собственной воле, желанию и свободе и, следовательно, сообразно своей жизни. Не будь всего этого у человека как его собственного достоинства, не могло бы быть ни договора, ни единения с Господом. И невозможно было бы полагать, что дурные поступки наказываются пребыванием в аду, а добрые дела награждаются небесным блаженством. (АР, № 971)

Тот, кто отвергает кражу, исходя из общего смысла этого понятия, и даже тот, кто отрицает ее по нерелигиозной причине и ради вечной жизни, не очищается от этого греха. Небо открывается только тому, кто отрицает кражу по соображениям религии. Ибо Господь устраняет грехи в человеке посредством небес и посредством небес Он побеждает ад. Например, найдется немало управляющих имениями, купцов, судей, всевозможных чиновников и рабочих людей, которые воздерживаются от краж, то есть от незаконных способов получения дохода, исключительно ради сохранения своей репутации и чести и, следовательно, богатства. Другими словами, они отвергают кражу, исходя единственно из внешних запретов, а не из религии. Но в душе они подвержены

соблазну кражи или грабежа, и эта подверженность прорывается наружу, когда исчезают внешние ограничения, как случается после их смерти. Их порядочность и благочестие – не более чем маска или уловка. (АР, № 972)

Но по мере того, как различные виды кражи изгоняются из человеческого сердца, на их месте воцаряются противоположные им виды блага, и эти последние имеют отношение ко всему, что является искренним, правильным и справедливым. В конце концов человек начинает любить искренность, праведность и справедливость только за то, что они таковы. Он начинает их любить потому, что они от Господа, и в них пребывает любовь Господа. Ибо любить Господа – это не то, что любить человека: речь идет о том, чтобы любить все, что исходит от Господа, ибо это есть Господь в человеке. Таким образом, речь идет о том, чтобы любить искренность, праведность и справедливость самих по себе. А поскольку все это суть Господь, то в той мере, в какой человек любит это и поступает в соответствии с этим, Господь устраняет неискренность и несправедливость в его помыслах и желаниях и с течением времени все с меньшим сопротивлением и борьбой. Так человек начинает мыслить по совести и действовать целомудренно – не сам по себе, но как бы сам собою. Ибо кажется, что он мыслит и действует так по собственной воле, и все-таки он поступает так не сам по себе, но благодаря Господу. (АР, № 973)

Когда человек начинает отвергать зло потому, что оно есть грех, все, что он делает, становится благом и может быть названо благодеянием, мерой же последнего является совершенство его применения. Ибо то, что делает человек до того, как он отвергает зло как грех, делается им самостоятельно и представляет собой его самость (*proprium*), которая принадлежит миру и есть не что иное, как зло, и делается ради мира. Но то, что делает человек после того, как он отвергнет зло как грех, делается от Господа и, поскольку в этом присутствует Господь, а небо пребывает в Нем, это есть благодеяние.

Различие между тем, что человек делает самостоятельно, и тем, что в человеке делает Господь, незаметно со стороны, но совершенно очевидно для ангелов. Дела, совершаемые человеком, подобны гробам повапленным, которые внутри полны костей мертвецов, или чашам с виду чистым, но содержащим в себе всевозможные нечистоты, или плодам снаружи прекрасным, а внутри сгнившим или орехам, изъеденным внутри червями, тогда как скорлупа их остается нетронутой, или, наконец, омерзительной блуднице с миловидным лицом. Таковы добрые дела, творимые человеком, ибо, какими бы добрыми ни казались они извне, внутри они полны всевозможных нечистот, поскольку внутренность их принадлежит аду, а внешняя сторона – небесам.

Но как только человек отвращается от зла как от греха, его деяния становятся благими не только внешне, но и внутренне, и чем глубже внутрь них мы заглядываем, тем более благими они предстают. Они подобны плодам, содержащим в себе здоровые семена, из которых вырастают новые деревья, образуя целый сад. Ибо все пребывающее в природном человеке подобно зародышам, из которых может выйти великое множество летучих существ, способных заполнить все небо. Одним словом, когда человек отрицает зло как грех, все его дела становятся живыми, тогда как то, что он делал прежде, является мертвым, ибо то, что от Господа, имеет жизнь, а то, что от человека, мертво. (АР, № 974)

Уже было сказано, что в той мере, в какой человек отвергает зло как грех, он творит добро, ибо он делает сие в Господе, и дела его более или менее благи в зависимости от способа применения блага, ибо добрые дела должны иметь пользу. Лучшие среди них – те, которые делаются ради пользы церкви, за ними идут те, которые делаются ради пользы отечества, и так далее. Благостыня свершений человека возрастает в соответствии с его приверженностью к истине, ибо человек, отрицающий зла как греха, желает знать истину, поскольку истина научает пользе и качеству его блага. Вот почему благо любит истину, а истина любит благо, и они стремятся к единению. Чем больше человек познает истину из любви к ней, тем мудрее и полнее творимое им благо, поскольку он знает, как различать пользу и делать ее по справедливости и с тем большей полнотой, что все истины присутствуют в приносимой нами пользе, создавая духовную сферу, которая порождается любовью к истине. (АР, № 975).

Возьмите для примера судей: те из них, кто вершат суд ради выгод, приносимых их приговорами, а не ради пользы отечества, суть воры, и приговоры их суть кражи. То же относится к приговорам, выносимым в зависимости от отношений дружбы или личной милости, ибо дружба и личная милость – это разновидность выгод и прибытков. Когда такие отношения становятся целью, а приговоры – средством, все дела становятся злом, превращаясь в то, что в Писании зовется “неисполнением справедливости, угнетением бедных, нуждающихся, вдов, сирот и невинных”. И когда поступают справедливо, но делают это ради выгоды, то, даже если желают добра, для них в нем нет блага, ибо для них справедливость, которая Божественна, является не более чем средством, а выгода – целью. Как следствие, после смерти такие судьи продолжают любить несправедливость и приговариваются к аду, как воры. Я говорю это на основании того, что видел сам. Такова судьба тех, кто не отвергает зло по той причине, что это грех, но воздерживаются от него лишь вследствие страха перед карой гражданского закона или потерей репутации, должности, состояния и, следовательно, различных выгод.

Иная судьба у тех, кто отвергает зло как грех противный Богу и Божественным законам. Таковые почитают превыше всего справедливость и преклоняются перед ее Божественностью. В справедливости они как бы воочию зрят Бога, ибо всякая справедливость, как всякая истина и благо, от Бога. И они всегда сочетают справедливость с равенством, зная, что справедливость не может существовать без равенства, а равенство – без справедливости. Поскольку такие люди служат справедливости, их суждения всегда заключают в себе благо, но в каждом случае большее или меньшее благо в зависимости от соображений дружбы, милости или выгоды. Также им свойственна разная степень любви к справедливости в отношении к их соотечественникам. Такие судьи имеют жизнь вечную в соответствии с их заслугами, ибо их судят так, как они судили сами. (АР, № 976)

Возьмите для примера управляющих чужим имуществом. Если эти люди с помощью уловок лишают своих королей, свою страну или своих господ их имущества, у них не может быть религии и тем самым совести, ибо они презирают Божественный закон, запрещающий кражу. И хотя они ходят в церковь, слушают проповеди, причащаются, читают утренние и вечерние молитвы и благочестиво рассуждают о Писании, ничего не нисходит на них с небес во время богослужения или их благочестивых бесед, ибо их внутренний

мир заполнен кражами, грабежами, разбоями и несправедливостью. И до тех пор, пока они таковы внутри, путь с небес в них закрыт. Как следствие, все, что они делают, есть зло. Но управляющие имуществом, которые отвергают незаконные доходы вследствие того, что они противны Божественному закону, имеют религию и тем самым совесть, и все, что они делают, есть благо, ибо они поступают искренне во имя искренности и в сердце своем радуются всякий раз, когда избегают обмана. А после смерти ангелы встречают их, как братьев, и они получают в изобилии небесное блаженство. (АР, № 977)

Возьмите теперь для примера купцов. Все их дела суть зло до тех пор, пока они не отвергают как грех против Бога незаконные барыши и бесчестное ростовщичество, а также обман и хитрость, ибо такие дела происходят не от Бога, а только от самого человека. И чем искуснее они в своих уловках, тем больше зла в их деяниях. И чем искуснее они скрывают истинную природу своих поступков под оболочкой справедливости, честности и благочестия, тем еще больше зла сокрыто в их деяниях. И чем больше удовольствия получает купец от своего обмана, тем в большей степени содеянное им причастно аду. Это становится очевидным после его смерти, когда человек начинает действовать по внутренней, а не по внешней склонности и любви, ибо тогда он неспособен помыслить ни о чем кроме притеснений и воровства и удаляется от людей честных и искренних в леса или пустыни, где предается придумыванию разных уловок. Одним словом, все подобные купцы становятся разбойниками.

Иначе происходит с купцами, которые отвергают всевозможные кражи как грех, особенно те, которые совершаются тайно. Все деяния таких людей благи, ибо они происходят от Господа, так как совершение их свободно от вышеупомянутого зла. Таким людям богатство не причиняет вреда, ибо для них богатство есть средство для достижения пользы. Торговля для них есть средство служения соотечественникам и государству, и благодаря своему богатству они достигают той пользы, к которой ведет их приверженность к благу. (АР, № 978).

Из сказанного выше можно видеть, какой смысл имеет в Писании понятие благих дел, а именно: что это благодеяние, совершаемое человеком, когда он отрицается от зла как от греха. Ибо, все, что совершает человек в этом состоянии, совершается им только *как бы* по собственной воле, ибо делается сие Господом, а все, что делает Господь, есть благо и зовется благом жизни, благом милосердия и благими делами, каковы, к примеру, решения судьи, пекущегося единственно о справедливости, и любящего ее как нечто Божественное. Так он заботится о благе своей страны, водворяя в ней царствие справедливости и добра, как на небесах. И так он заботится о благополучии всех невинных граждан и защищает их от притеснений злодеев. Все это является благодеянием. Таковы же все услуги управляющих и деятельность купцов, когда они отвергают злодеяния как грех против Божественных законов. Когда человек отвращается от зла как от греха, он ежедневно познает, что такое благодеяние, и в нем растет приверженность к совершению блага, равно как и приверженность к истине ради нее самой. Ибо в той мере, в какой он знает истину, он может мудро устроить свою деятельность, так что дела его могут быть воистину благими. Воздерживайтесь, таким образом, от того, чтобы спрашивать себя: “Каковы те благие дела, которые я должен делать и какое благодеяние должен я совершить, чтобы заслужить вечную жизнь?” Только воздерживайтесь от зла как от греха и уповайте на Господа, и Господь наставит и направит вас. (АР, № 979)

6. Шестая заповедь

Теперь переходим к разъяснению шестой заповеди: “Не прелюбодействуй”.

Кто в наше время поверит, что наслаждение прелюбодеяния есть ад в человеке, а наслаждение супружеской жизни – небо в нем и, следовательно, поскольку он испытывает одно из них, он не может знать другого, ибо насколько человек находится в аду, настолько он не может быть на небесах? Кто сегодня поверит, что любовь к прелюбодеянию есть главнейшая из всех видов адской любви, так что насколько человек подвержен прелюбодеянию, настолько же он открыт всем видам любви к злу? Равным же образом тот, кто пребывает в супружеской любви, привержен всем видам благой любви, если не в реальных делах, то, по крайней мере, в помыслах. Кто в наши дни поверит, что тот, кто подвержен любви к прелюбодеянию, не верит ни в Писание, ни в церковь и в сердце своем отрицает Бога? Напротив, тот, кто пребывает в целомудренной супружеской любви, исполнен милосердия, веры и любви к Господу, так что целомудрие брака есть подлинная религия, а распутство прелюбодеяния есть наше естество.

Все это неизвестно в наши дни, ибо церковь переживает последние дни и уже утратила свою правду и свое благо. А когда церковь такова, люди церкви, вследствие внушений из ада, приходят к убеждению, что прелюбодеяние не есть отвратительная мерзость и что, следовательно, между супружеством и прелюбодеянием нет существенных различий. А между тем, разница между ними такая же, как между небом и адом. Вот почему в Писании небо и церковь в духовном смысле обозначаются понятиями бракосочетания и супружества, а ад и отрицание церкви – понятиями прелюбодеяния и распутства. (АР, № 981)

Поскольку прелюбодеяние есть ад в человеке, а супружество – небо в нем, отсюда следует, что, насколько человек любит прелюбодеяние, настолько он отстраняется от неба и открывает себя аду, и так происходит до тех пор, пока он считает прелюбодеяние позволительным и более приятным, чем супружество. Следовательно, всякий, кто утверждает себя в прелюбодеянии и совершает его по собственной воле и желанию, закрывает себе доступ на небо пока вовсе не перестает верить в церковь и Писание и становится чисто чувственным человеком, а после смерти – адским духом. И поскольку прелюбодеяние есть ад, то, если человек не отвергает его и не отвращается от него как от исчадия ада, он не имеет доступа к небу и не получает оттуда наития. Впоследствии он придерживается того мнения, что прелюбодеяние и супружество подобны друг другу, но браки следует сохранять в государстве ради порядка и воспитания потомства. Он полагает также, что прелюбодеяние не есть преступление, поскольку от него тоже рождается дети, и оно не причиняет вреда женщине, поскольку женщина может его вынести, и таким способом продлевается человеческий род. Ему неизвестно, что подобные суждения о позволительности прелюбодеяния внушаются глубинами ада, и что похотливое и скотское начало в человеке, усвоенное им от рождения, находит удовольствие в подобных суждениях, как свинья находит удовольствие в навозе. (АР, № 982)

То, что супружество есть небо, а прелюбодеяние есть ад, можно увидеть лучше всего, если рассмотреть их происхождение. Исток истинной супружеской

любви есть любовь Господа к церкви, и по этой причине в Писании Господь именуется “женихом” и “мужем”, а церковь – “невестой” и “женой”. Благодаря этому супружеству церковь и является церковью как в общем, так и в частном. Церковь в частном – это человек, в котором она пребывает. Из этого ясно, что единение Господа с человеком церкви есть подлинный исток супружеской любви. Единение Господа с человеком церкви есть единение блага и истины. Благо идет от Господа, а истина в человеке, и отсюда возникает единение, которое зовется небесным супружеством, и от этого супружества происходит подлинная супружеская любовь между мужем и женой, пребывающими в единении с Господом.

Очевидно, что подлинная супружеская любовь идет от Господа и присутствует в тех, кто пребывает в единении с благом и истиной, дарованными Господом. Поскольку единение это обоюдное, в Писании сказано:

“Они в Нем, и Он в них” (*От Иоанна, 12, 20*)

Это единение или это супружество установлено, таким образом, от сотворения мира. Мужчина сотворен быть пониманием истины, а женщина сотворена быть любовью к благу, и, следовательно, мужчина есть истина, а женщина – благо. Когда понимание истины, которое есть мужчина, становится одним с любовью к благу, которое есть женщина, два разума соединяются в одно. Такое единение и есть духовное супружество, от которого происходит супружеская любовь. Ибо когда два разума соединяются в один, между ними есть любовь, а когда эта любовь спускается в тело, она становится любовью природного брака. Муж и жена, которые любят друг друга духовно, любят друг друга и телесно, ибо хорошо известно, что любовь нисходит в тело вследствие духовной симпатии и без этой симпатии не может быть никакой любви.

Поскольку исток супружеской любви есть супружество блага и истины, что есть, по сути своей, небо, истоком любви к прелюбодеянию является союз зла и лжи, который, по своей сути, есть ад. Небо есть супружество, поскольку все пребывающие на небесах живут в брачном союзе истины и блага. Ад же есть прелюбодеяние, ибо все пребывающие в аду исповедуют брачный союз зла и лжи. Отсюда следует, что супружество и прелюбодеяние противоположны друг другу, как небеса и ад. (АР, № 983)

Человек сотворен так, чтобы быть духовной и небесной любовью и тем самым – образом и подобием Божьим. Духовная любовь, которая есть любовь к истине, соответствует образу Божьему, а небесная любовь, которая есть любовь к благу, – подобию Божьему. Все ангелы на третьем небе являют собой подобие Божие, а все ангелы на втором небе являют собой образ Божий. Человек может стать образом или подобием Божьим только посредством брачного союза блага и истины, ибо благо и истина сами по себе любят друг друга и стремятся соединиться в одно, и они должны соединиться в ангеле на небе и в человеке в церкви. Такое единение возможно лишь посредством брачного союза двух умов, ибо мужчина, как было сказано прежде, сотворен прообразом истины, а женщина – прообразом блага, вследствие чего в них возможно единение истины и блага. И супружеская любовь, приистекающая из этого единения, есть то самое средство, с помощью которого человек преображается в любовь, которая есть образ и подобие Божие. Ибо партнеры в браке, которые пребывают в супружеской любви от Господа, любят друг друга из глубины своих сердец и

поэтому, хотя с виду их двое, они в действительности составляют одно в отношении их жизни.

Это можно уподобить глазам, которых в теле два, но которые составляют одно как способность видения, или ушам, которых тоже два и которые тоже составляют одно как способность слышать. Подобным же образом две руки и две ноги являются отдельными частями тела, но они едины в способе их применения. Такие пары органов тела имеют отношение к благу и истине, а именно: правый орган соответствует благу, а левый – истине. То же касается мужа и жены, между которыми существует подлинная супружеская любовь: они являются два тела, но одну жизнь. Как следствие, на небе такую супружескую пару называют не двумя ангелами, но одним. Из всего этого ясно, что благодаря супружеству человек становится формой любви и тем самым небом, которое есть образ и подобие Божие.

Человек рождается с любовью к злу и лжи, и эта любовь есть любовь к прелюбодеянию. Такая любовь не может стать любовью духовной, каковая есть образ Божий, и еще менее любовью небесной, которая есть подобие Божие, иначе как посредством бракосочетания двух умов и двух тел. Отсюда ясно, почему браки относятся к небу, а прелюбодеяния – к аду; ибо супружество есть образ неба, а подлинная супружеская любовь – образ Господа, тогда как прелюбодеяние есть образ ада, а любовь к прелюбодеянию – образ дьявола. Более того, супружеская любовь предстает на небесах в образе ангела, а прелюбодеяние – в образе дьявола. Читатель, запомни сказанное здесь и после смерти, когда ты будешь жить как человеческий дух, поинтересуйся, правда ли это, и ты узнаешь сам. (АР, № 984)

О том, насколько низменны и отвратительны прелюбодеяния, мы можем знать, исходя из святости супружества. Все в теле человека, от темени до пяток, внутреннее и внешнее, имеет свои соответствия на небесах, и сам человек есть небо в его миниатюрном виде; равным образом ангелы и духи обликом своим подобны людям, ибо они тоже представляют небо. Органы тела, имеющие отношение к деторождению, особенно чрево, соответствуют сообществам третьего, или глубочайшего, неба по той причине, что подлинная супружеская любовь происходит от любви Господа к церкви и от любви к благу и истине, которая есть любовь ангелов третьего неба. Следовательно, супружеская любовь, нисходящая с того неба, – это невинность, каковая есть сама сущность всякого блага на небесах. По той же причине зародыш в чреве пребывает в покое, а когда дети появляются на свет, они находятся в состоянии невинности, и такова же мать по отношению к ним. Поскольку таково соответствие детородных органов обоих полов, то можно видеть, что от творения они святы и предназначены единственно для целомудренной и чистой супружеской любви, и они не должны быть оскверняемы грязной любовью прелюбодеяния, вследствие которой человек превращает небо внутри себя в ад. Ибо насколько супружеская любовь соответствует любви к высшему небу, каковое есть любовь к Господу и от Господа, настолько же любовь к прелюбодеянию соответствует любви к последним кругам ада.

Любовь супружества так свята и небесна потому, что она берет свое начало от Господа в самой глубине человека и постепенно нисходит к внешней оболочке тела, наполняя всего человека небесной любовью и приводя его в форму Божественной любви, которая есть само небо и образ Господа. Любовь же к прелюбодеянию берет свое начало в наружности человека от нечистого

жжения распутства и, в противоположность супружеской любви, проникает все дальше вглубь человека, в человеческое естество, которое есть только зло, и приводит его в состояние ада, каковое есть образ дьявола. Следовательно, человек, любящий прелюбодеяние и отвергающий супружество, имеет образ дьявола.

Поскольку органы деторождения у обоих полов соответствуют сообществам третьего неба, а любовь супружеских партнеров – любви истины и блага, указанные органы и любовь соответствуют Писанию. Происходит так потому, что Писание есть Божественная истина, обрученная с Божественным благом, исходящим от Господа, и поэтому Господь именуется Словом и в каждом Слове заключен союз блага и истины, или небесный брак. Это соответствие до сих пор остается тайной, неведомой миру, но она была открыта мне на моем собственном опыте.

Из этого также ясно, насколько святы и небесны браки сами по себе, и насколько низменны и отвратительны прелюбодеяния. И по этой причине прелюбодеи презирают Божественные истины и самое Писание, и если бы они говорили то, что думают, они бы изрыгали хулу на божественные предметы, содержащиеся в Писании. Так они поступают, когда после смерти становятся духами, ибо каждый дух вынужден говорить то, что хранит в сердце, раскрывая свои тайные мысли. (АР, № 985)

Поскольку все наслаждения природного мира имеют соответствия среди наслаждений мира духовного, такие соответствия имеются и у любви в супружестве и любви к прелюбодеянию. Любовь в супружестве предстает в духовном мире в образе невинной девы необыкновенной красоты, тогда как любовь к прелюбодеянию предстает в мире духов в образе уродливой старухи, чей облик способен убить всякое очарование жизни. Таким образом, ангелы на небесах прекрасны в соответствии с качеством супружеской любви в них, а духи в преисподней безобразны в соответствии с качеством их любви к прелюбодеянию. Одним словом, ангелы на небесах обладают жизнью в их облике, речи и движениях соответственно их супружеской любви, а духи ада являют в своем облике смерть соответственно их любви к прелюбодеянию.

В мире духов наслаждения супружеской любви предстают ароматами различных плодов и цветов, тогда как наслаждения любви к прелюбодеянию предстают там смрадом всевозможных нечистот. Более того, наслаждения любви к прелюбодеянию в самом деле превращаются в подобные предметы, ибо все, что относится к любви прелюбодеяния, есть духовная грязь. Поэтому от публичных домов в аду исходит тошнотворное зловоние. (АР, № 986)

Насколько браки святы сами по себе, то есть от творения, можно видеть из того, что родильные дома существуют не только на земле, но и среди ангелов на небесах, ибо благодаря бракам пополняются обитатели не только земли, но и небес. Поскольку же венцом всего творения является человеческий род и тем самым – само небо, где Божественное может пребывать как бы в самом себе, и поскольку воспроизводство человечества согласно Божественному порядку совершается посредством брака, то из этого можно видеть, как свят брак сам по себе, то есть от творения и насколько священным его должно почитать. Конечно, земля может быть заполнена людьми и посредством прелюбодеяния, но этого не может случиться на небесах по той причине, что ад отличается от неба, как прелюбодеяние отличается от супружества.

Когда воспроизводство рода человеческого осуществляется посредством супружества, в котором царит святая любовь к благу и истине от Господа, тогда земля уподобляется небесам, и Царство Божие на земле становится прообразом Царства Божьего на небе. Ибо небеса состоят из сообществ, организованных в соответствии с самыми разными небесными и духовными симпатиями, и в этом отношении форма неба превосходит все прочие формы мироздания. Земная жизнь была бы устроена подобным же образом, если бы на земле заключались браки, проникнутые подлинной супружеской любовью, ибо в таком случае, независимо от того, сколько семей образовалось от одного главы семейства, каждая из них являлась бы образом определенного небесного сообщества и все вместе они явили бы устройство небес во всем его разнообразии.

В таком случае семьи были бы подобны различным плодоносящим деревьям, образующим множество разных садов, и эти сады в своей совокупности представляли бы образ небесного рая. Это говорится для сравнения, поскольку “деревья” здесь обозначают людей церкви, “сады” – разум, “плоды” – благо жизни и “рай” – небеса. Мне было сказано на небе, что у древнейших людей, которые создали первую церковь на земном шаре во времена Золотого века, существовали соответствия между семьями на земле и сообществами на небесах, ибо в то время в супружестве царили любовь к Господу и взаимная любовь, а также невинность, мир, мудрость и целомудрие. И мне было сказано также, что эти люди в душе своей ужасались прелюбодеянию как подлинному исчадию ада. (АР, № 987).

Что означает утверждение о том, что супружество от неба, а прелюбодеяние – от ада? Наследственное зло, в котором рождается человек, происходит не вследствие того, что Адам вкусил от древа познания добра и зла, но от осквернения блага и извращения истины родителями, то есть от союза зла и лжи, из которого происходит любовь к прелюбодеянию. Эта любовь родителей во время зачатия переходит в их потомство и становится его природой. Из этого источника человек получает все свое зло, а из зла он получает ад. Отсюда ясно, что человек вследствие прелюбодеяний носит в себе ад до тех, пока Господь не преобразит его посредством Своих истин и жизни, им соответствующей. И никто не может преобразиться, если не отвергает прелюбодеяние как исчадие ада и не любит супружество как образ неба. Только так можно искоренить наследственное зло в человеке и смягчить его в потомках.

Нужно заметить, однако, что, хотя от родителей, подверженных прелюбодеянию, человек рождается в аду, он рождается не для ада, а для неба. Ибо Господь установил так, что никто не может быть осужден на адские муки за наследственное зло, но только за те злодеяния, которые человек совершил сам в своей жизни, как можно видеть на примере множества детей, которых после их смерти Господь забрал к себе, даровав им воспитание на небе и спасение души. То же относится к любому человеку, рожденному от прелюбодеяния, если он сам не становится прелюбодеем. Быть прелюбодеем означает жить в союзе зла и лжи, помышляя о зле и лжи из наслаждения, получаемого от любви к ним. Более того, Божественной справедливостью установлено, что никто не подвергается наказанию из-за злодеяний своих родителей. Таким образом, Господь делает так, что после смерти человек отвечает не за наследственное зло, а только за свои собственные злодеяния и в соответствии с ними несет наказание. (АР, № 989)

Выше уже говорилось, что различие между любовью к супружеству и любовью к прелюбодеянию подобно различию между небесами и адом. Таково же различие между наслаждениями, доставляемыми этими видами любви. Наслаждения от любви к прелюбодеянию проистекает из удовольствия, доставляемого всяческим злодеянием, а наслаждения от любви к супружеству проистекают из удовольствия, доставляемого всеми видами благодеяний. Каково наслаждения от совершения зла, таково же и наслаждение от прелюбодеяния. Отсюда видно, что наслаждение от прелюбодеяния проистекает из низших кругов ада. Наслаждение же супружеской любви, поскольку оно проистекает из союза блага и истины, относится к наслаждениям самого внутреннего, или третьего, неба, где царит любовь к Господу и от Господа.

Из сказанного можно видеть, что различие между этими наслаждениями подобно различию между небом и адом. Но, как ни удивительно, люди полагают, что удовольствия супружества и удовольствия прелюбодеяния схожи. Различие же, указанное выше, способен заметить только тот, кому знакомо наслаждение супружеской любви, ибо он знает, что в этом наслаждении нет ничего нечистого и распутного, а в наслаждении от прелюбодеяния нет ничего кроме нечистого и распутного. Он чувствует, что распутство приходит снизу, а целомудрие нисходит сверху. Но тот, кто наслаждается прелюбодеянием, не способен это почувствовать, ибо он воспринимает ад как свои небеса. Поскольку наслаждения этих двух видов любви внешне похожи, будучи по своему внутреннему смыслу совершенно различными, Господь устроил так, что наслаждения прелюбодеяния не могут проникнуть на небо, а наслаждение супружества не может опуститься в ад, но что должно быть некоторое соответствие между небесами и несдержанностью в прелюбодеяниях, хотя и не в самом качестве наслаждения. (АР, № 990)

Было сказано, что супружеская любовь, которая принадлежит природному миру, происходит из любви к благу и истине, которая духовна. Эта духовная любовь, стало быть, относится к природной супружеской любви, как причина к своему следствию. Так из бракосочетания истины и блага рождается любовь к принесению плода, а именно: блага посредством истины, и истины из блага. А из этого появляется любовь к рождению потомства, и в этой любви присутствуют все удовольствия и наслаждения. Напротив, любовь к прелюбодеянию, которая принадлежит природе, происходит от любви к злу и лжи, которая духовна. Таким образом, эта духовная любовь относится к любви к прелюбодеянию как причина к своему следствию. Из бракосочетания зла и лжи рождается любовь к принесению плода, а именно: зла посредством лжи и лжи от зла. А из этого появляется любовь к рождению потомства, и в этой любви присутствуют все удовольствия и наслаждения.

В любви к рождению потомства заключены все удовольствия и наслаждения потому, что все приятное, доставляющее удовольствие и счастье на небесах и в целом мире от творения сопутствует всякому использованию вещей во благо, и в зависимости от совершенства этого использования радости, доставляемые им, могут последовательно возрастать вплоть до того, что становятся вечным блаженством. Вот почему наслаждение от обладания потомством столь велико. Оно сильнее всех прочих удовольствий, ибо воспроизводство человеческого рода – выше всех прочих видов пользы. Из этого же истока происходит и любовь к прелюбодеянию, но поскольку погрязать в прелюбодеянии означает утверждать зло посредством лжи и ложь

посредством зла, удовольствие или наслаждение, получаемые таким образом, постепенно уменьшаются, и в конце концов вызывают только отвращение. Поскольку, как было сказано ранее, наслаждение супружеской любви есть наслаждение небесное, а наслаждение прелюбодеяния – наслаждение адское, наслаждение прелюбодеяния происходит от некоего нечистого огня, который, пока он горит, затмевает наслаждение любви к благу, но сам по себе является наслаждением любви к злу, каковая по своей сущности есть наслаждение ненависти к благу и к истине. И по этой причине между мужчиной и женщиной в акте прелюбодеяния не может быть любви кроме любви к ненависти, так что они могут быть вместе внешне, но не внутренне. Ибо внешнее заключает в себе некий жар, а внутреннее – холод, и по прошествии времени жар исчезает, и воцаряется холод, которому сопутствует половое бессилие или отвращение.

Мне было дано увидеть сущность этой любви, и я видел, что внутри она есть смертельная ненависть, а вовне предстает как огонь горящих нечистот и всякой мерзости. И по мере того, как этот огонь вместе с его наслаждением угасал, наружу проступала ненависть, проявляющаяся вначале как презрение, затем как отвращение, позднее как неприятие и, наконец, как обман и противоборство. Но удивительно, что, хотя эти пары ненавидели друг друга, они могли время от времени сойтись и переживать наслаждение ненависти как наслаждение любви, которое, впрочем, проистекало из жжения плоти.

Невозможно описать или поверить, что такое наслаждение ненависти и, следовательно, злодеяния, которое испытывают те, кто находятся в аду. Творить зло – это радость их сердца, и они называют это их небом. Такое их наслаждение проистекает из их ненависти к благу и к истине. Когда их переполняет смертельная ненависть, они восстают против небес, в особенности против тех, кто спустился с неба и поклоняется Господу. Они горят желанием уничтожить их и, поскольку они не могут уничтожить их тела, они стремятся погубить их души. Таково наслаждение ненависти, которое, превращаясь в бушующее пламя и будучи впрыснутым в распаленную плоть, на мгновение становится наслаждением прелюбодеяния, и душа, в которой гнездится эта ненависть, уже не властна над собой. Вот почему ад зовут прелюбодеянием, а приверженные прелюбодеянию столь безжалостны и жестоки. Таково адское супружество. (АР, № 991)

Было сказано, что любовь к прелюбодеянию есть огонь, зажженный от нечистот и вскоре выгорающий, сменяющийся холодом и отвращением. Но обратное верно по отношению к любви супружеской. Она есть огонь, загоревшийся от любви к благодеянию и, следовательно, любви к Господу и к ближнему. Этот огонь, имеющий свой исток на небесах, полон неисчислимых наслаждений, свойственных небесному блаженству. Более того, эти удовольствия непрестанно множатся и делятся вечно. Они проистекают из желания партнеров в браке соединиться в одно в своем духе, и такой союз есть образ бракосочетания блага и истины от Господа на небе. (АР, № 992)

То, что супружеская любовь содержит в себе неисчислимые наслаждения, можно видеть из того факта, что она составляет основу всех видов небесной и духовной любви, ибо посредством нее человек становится любовью. Ибо благодаря ей каждый участник брачного союза любит своего партнера, как благо любит истину, а истина – благо, подобно тому, как Господь любит небо и церковь. Такая любовь может произрасти только через брак, в котором мужчина являет истину, а женщина – благо. Когда человек благодаря супружеству

становится такой любовью, он любит Господа и ближнего и, следовательно, всякое благо и всякую истину. Ибо от человека, ставшего любовью, должна исходить всякая любовь. Следовательно, супружеская любовь есть начало всех видов любви на небесах, и поэтому она есть основание всех наслаждений и радостей на небе, ибо всякое наслаждение и радость идет от любви. Из блаженства супружества можно сделать вывод о безрадостности прелюбодеяний и о том, что любовь к прелюбодеянию – это основа всех видов адской любви, каковые сами по себе суть не разновидности любви, а виды ненависти. Как следствие, из любви к прелюбодеянию проистекают все виды ненависти к Богу и к ближнему и вообще ко всякому благу и всякой истине неба и церкви. Поэтому к ней принадлежат все виды безблагодатного существования, ибо, как было сказано прежде, от прелюбодеяния человек превращается в образ ада, а от любви к прелюбодеянию он становится образом дьявола. (АР, № 993)

Подлинная супружеская любовь исходит единственно от Господа. Она дается только Господом потому, что она проистекает из любви Господа к небу и церкви и тем самым – любви к благу и к истине. Ибо все благо от Господа, а истина пребывает на небе и в церкви, и отсюда следует, что подлинная супружеская любовь в основе своей есть любовь к Господу. Стало быть, никто не может познать подлинную супружескую любовь со всеми ее наслаждениями, радостями и блаженством, если он не признает единого Господа, то есть Троицу в Нем. Тот, кто считает Отца и Духа самостоятельными личностями отдельными от Господа, не может иметь супружеской любви.

Истинный принцип супружества пребывает на третьем небе, потому что ангелы там доподлинно любят Господа, поклоняются только Ему и исполняют Его заповеди. Для них заповеди Богу суть его истины, в которых Он открывается им. Существует единение Господа с ангелами и ангелов с Господом, ибо они в Господе, потому что благи, и Господь в них, потому что они привержены истинам. Таково небесное супружество, из которого проистекает подлинная супружеская любовь. (АР, № 995)

Поскольку супружеская любовь в истоке своем есть любовь к Господу и от Господа, она есть также невинность. Невинность означает любовь к Господу как к своему Отцу посредством соблюдения Его заповедей и желания быть ведомым Им, а не самим собой, как свойственно детям. Таково истинное существо (*esse*) всякого блага. И человек настолько же имеет в себе небо, насколько он пребывает в супружеской любви, ибо он в такой же степени невинен. Именно потому, что подлинная супружеская любовь есть невинность, между партнерами в браке возможна игра, как между маленькими детьми, и это возможно в той мере, в какой они любят друг друга, как можно видеть на примере первых дней супружеской жизни, когда их отношения озарены подлинной супружеской любовью. Невинность супружеской любви обозначается в Писании “наготой”, которой не стыдились Адам и его жена, и так было по той причине, что партнерам в браке распутство свойственно не больше, чем малым детям, когда они бывают вместе обнаженными. (АР, № 996).

Поскольку супружеская любовь по сути своей есть любовь к Господу от Господа и тем самым – невинность, она есть также мир, в котором пребывают ангелы на небесах. Поскольку невинность есть существо всякого блага, мир – существо всякого наслаждения, доставляемого благом, и, следовательно, всех радостей супружеской жизни. Поскольку всякая радость исходит из любви и супружеская любовь есть основа всех видов любви на небе, мир имеет своим

главным истоком супружескую любовь. Мир – это блаженство сердца и души, возникающее из единения Господа с небом и церковью, а также единения блага и истины, когда прекращается всякая борьба зла и лжи против блага и истины. И по мере того, как из этого единства исходит супружеская любовь, все наслаждения этой любви проистекают из мира на небесах. Более того, этот мир сияет на небе как небесное блаженство, когда он сияет также на лицах семейной пары, пребывающей в этой любви. Но такое небесное блаженство даруется только тем, кто могут соединиться в глубине своих сердец. (АР, № 997)

Человек имеет столько понимания и мудрости, сколько есть в нем супружеской любви. Причина этого в том, что супружеская любовь происходит от любви к благу и истине как следствие от своей причины или природное бытие от бытия духовного. И все ангелы трех небес обладают пониманием и мудростью от бракосочетания блага и истины. Ибо понимание и мудрость – это не что иное, как восприятие света и тепла от Господа в образе солнца, то есть восприятие Божественной истины, соединенной с Божественным благом, и Божественного блага, соединенного с Божественной истиной, то есть супружества блага и истины от Господа. Об этом союзе свидетельствует жизнь ангелов на небесах. Ангелы отделены от своих супругов в понимании, но не в мудрости. И что еще удивительнее, когда они обращают лицо к своему партнеру в браке, они входят в такое же состояние мудрости, ибо в духовном мире единение блага и истины осуществляется посредством взгляда. Жена олицетворяет благо, а муж – истину, и, следовательно, когда истина превращается в благо, она становится живой. Понимание и мудрость означает здесь не самостоятельность в суждениях о различных предметах, а способность видеть и понимать истину и благо вещей. Эту способность человек получает от Господа. (АР, № 998)

Подлинная супружеская любовь – это средство защиты от сил ада, а также зла и лжи, идущих оттуда, ибо благодаря этой любви человек вступает в единение с Господом, а ведь только Господь обладает властью над адом. Кроме того, благодаря супружеской любви человек имеет небо и церковь, и поскольку Господь защищает небо и церковь, Он защищает всех, кто имеет супружескую любовь. Ибо небо и церковь есть супружество истины и блага, и благодаря супружеской любви человек обретает мир и защиту от сил ада в самой глубине своего сердца. (АР, № 999)

Те, кто пребывают в подлинной супружеской любви, после смерти, став ангелами, возвращают себе юный облик: мужчины, независимо от их возраста, приобретают вид молодых юношей, а женщины становятся молодыми девушками. Каждый супруг брака возвращается в цветущую пору своей жизни, когда супружеская любовь начинает наполнять жизнь новыми наслаждениями и внушать игривость ради продолжения рода. Тот, кто в своей жизни отвергал зло как грех и кто был посвящен Господом в супружескую любовь, входит в это состояние сначала внешне, а затем все более глубоко, пока не обретает в нем жизнь вечную. Поскольку такие люди погружаются все глубже в состояние супружеской любви, последняя открывает все новые прелести и удовольствия, каковые присущи ей от сотворения мира и относятся к радостям внутреннего неба, исходящим от любви Господа к небу и церкви и тем самым – от любви к благу ради истины и к истине ради блага. Поэтому человек на небесах становится молодым, чтобы войти в супружеский союз блага и истины. В благе есть неослабевающая воля к любви к истине, а в истине есть неослабевающая

воля к любви к благу, причем жена являет собой образ блага, а муж – образ истины. Благодаря этой наклонности человек устраняет в себе всякую ожесточенность, печаль и сухость старости и обретает живость, веселье и свежесть молодости.

Мне было сказано на небесах, что такие люди имеют жизнь любви, о которой можно сказать только, что это жизнь, наполненная радостью. То, что человек, живущий в супружеской любви, после смерти входит в небесный брак, который есть союз блага и истины, исходящий от супружеского союза Господа и церкви, видно из того обстоятельства, что супружеская чета на небе, имея, как на земле, интимную связь, вместо детей рождает блага и истины и тем самым – мудрость. Вот почему в Писании рождения и поколения в духовном смысле означают духовные рождения и поколения, а сыновья и дочери означают истины и блага церкви и т.д. Отсюда также ясно, что существует соответствие между супружеством на земле и на небе и что после смерти человек переходит из природного телесного супружества в супружество духовное и небесное, которое есть само небо и радость неба. (АР, № 1000)

От супружеской любви происходит вся красота ангелов, так что каждый ангел красив в соответствии с мерой своей любви. Ибо все ангелы являют собой образ их любви, поскольку на небесах никто не может иметь облик отличный от его чувств. Таким образом, в лице ангела воплощается его разум. Когда у духов есть супружеская любовь, любовь к Господу, взаимная любовь, любовь блага и истины, любовь мудрости – все эти виды любви проявляются на их лицах, как живые огоньки, пылающие в глазах, а к ним, как бы завершая образ красоты, добавляются невинность и мир. Таковы образы глубочайших ангельских небес, и они являют собой подлинно человеческие образы. (АР, № 1001)

Из сказанного можно понять, что такое благодеяния целомудрия в супружестве, когда человек отвергает зло как грех противный Богу. Эти благодеяния относятся либо к самой супружеской паре, либо к их потомству, либо к небесным сообществам. Благодеяния целомудрия, относящиеся к супружеской паре, – это духовные и небесные виды любви, понимание и мудрость, невинность и мир, способность защитить себя от ада и исходящих из него лжи и обмана, а также многообразные радости и наслаждения, длящиеся вечно. Благодеяния целомудрия, относящиеся к потомству, состоят в том, что многие тяжкие пороки не становятся в семье врожденными. Ибо главенствующая любовь родителей передается их детям, а иногда даже дальним потомкам и становится их наследственной природой. Эта природа сломлена и податлива в родителях, которые отвергают прелюбодеяние как исчадие ада и любят супружество в его небесном состоянии. Благодеяния целомудрия в отношении небесных сообществ заключаются в том, что целомудренные браки – это обаяние небесной жизни, а также родильные дома и опора неба. Они придают обаяние небесной жизни посредством духовного общения, они являются родильными домами благодаря рождению потомства, и они являются опорой неба, защищая небеса от посягательств ада, ибо в присутствии супружеской любви адские духи становятся буйными и слабоумными и кидаются в пропасть. (АР, № 1002)

Из перечисленных выше благ, проистекающих из целомудренных браков, можно понять, что такое зло, порождаемое прелюбодеяниями, ибо это зло есть прямая противоположность благодеяний духовной и небесной любви. Вместо понимания и мудрости, которыми обладают те, кто живут целомудренно

в браке, прелюбодеи подвержены всевозможным безумствам. Вместо невинности и мира, которыми наделены те, кто живут в целомудренном браке, прелюбодеи живут обманом и не имеют мира в душе. Вместо способности защититься от ада, которой обладают те, кто живут целомудренно в браке, прелюбодеи сами являют собой настоящих демонов. Вместо обаяния, которым наделены те, кто живут в целомудренном браке, прелюбодеи отличаются всяческими отвратительными уродствами, соответствующими их порокам. Их окончательный удел заключается в том, чтобы в состоянии полного бессилия лишиться всякого света жизни и пребывать в пустыне тягостными для самих себя теньями собственной жизни. (АР, № 1003)

Подлинная супружеская любовь возможна только между двумя партнерами, как любовь Господа к небу, которая одна от Него и в Нем, или к церкви, которая, как небо, одна от Него и в Нем. Все кто пребывают на небе и в церкви, должны быть едины благодаря взаимной любви, идущей от любви к Богу. Ангелы на небесах или человек в церкви, которые не составляют одно с остальными, не принадлежат небу и церкви. Более того, в целом небе и в целом мире есть две вещи, а именно благо и истина, которые, соединяясь в одно, дают жизнь всему существу на небе и на земле. Когда они составляют одно, благо пребывает в истине, а истина – в благе, и благо исходит от истины, а истина – от блага. Так одно опознается через другое и соответствует ему.

Этот всеобщий брачный союз есть основа супружеской любви между мужем и женой. Муж сотворен так, чтобы быть пониманием истины, а жена сотворена так, чтобы быть волей блага, но оба могут быть образом и истины, и блага, ибо таков облик человека и образ Божий.

Поскольку истина принадлежит благу и благо принадлежит истине от творения, невозможно одной истине соединиться с двумя разными видами блага и наоборот. А равным образом невозможно для одного понимания быть соединенным с двумя разными видами воли и наоборот. Точно так же невозможно для одного духовного человека быть соединенным с двумя разными церквами, а одному мужу – иметь двух жен. Внутренний союз подобен единению души и сердца: душа жены – ее муж, а сердце мужа – его жена. Муж общается и соединяется душой со своей женой; его душа – в его семени. Жена принимает душу мужа в свое сердце, и двое становятся одним, и тогда все органы тела одного партнера в браке ищут свои соответствия в другом партнере. Вот это и есть подлинное супружество, которое возможно только между двумя. Ибо от творения все, что имеется в уме и теле мужа, имеет соответствия в уме и теле его жены. Из этого взаимного влечения и рождается супружеская любовь.

Но все органы и члены тела суть не что иное, как природные телесные формы, имеющие соответствия в духовных формах ума. Благодаря этому все части тела находятся в столь прекрасном согласии со всеми элементами ума, что тело немедленно переводит в физическое действие все желания ума. Следовательно, когда два ума действуют как один, два их тела соединяются настолько, что становятся “плоть едина”. Желать стать плотью единой есть супружеская любовь.

Дозволяется подтвердить сие одним чудесным примером из жизни на небесах. Там есть такие супружеские пары, что двое могут быть плотью единой, когда им это угодно, и они даже имеют вид одного человека. Я видел таких и говорил с ними, и они сказали, что у них одна жизнь, и это жизнь блага в истине и истины в благе и она подобна двум полушариям мозга, заключенным в одну

мембрану, или двум желудочкам сердца в единой оболочке или двум долям легких. Все эти органы, являя собой пару, образуют единство в отношении жизни и жизнедеятельности. И пары, пребывающие в супружеской любви, заявляли, что живут в единстве с небом и являют собой небесную жизнь с ее неисчерпаемыми красотами по той причине, что небо столь прекрасно вследствие его единства с Господом, ибо все ангелы на небесах пребывают в Господе и Господь в них.

Более того, они сказали, что для них невозможно помышлять о какой-либо дополнительной жене или женщине, ибо это значило бы превратить небеса в ад и, следовательно, если ангел имеет такие помыслы, он тотчас низвергается с небес. Они еще добавили, что природные духи не считают подобные брачные союзы возможными по той причине, что среди природных существ не бывает духовных супружеств, которые являют собой единство блага и истины. Следовательно, в таких браках нет единения умов, а только единение тел вследствие распутных наклонностей плоти. Эта похоть происходит из всеобщего закона, налагаемого на все одушевленные и неодушевленные существа от сотворения мира. Закон этот заключается в том, что все, наделенное силой, имеет волю к порождению подобных себе и к размножению до бесконечности. Поскольку же потомки Иакова, называвшиеся сынами Израиля, были только природными людьми и их браки были не духовными, а телесными, им было дозволено по причине их жестокосердия иметь больше одной жены. (АР, № 1004)

Но нужно заметить, что прелюбодеяния более или менее соотносятся с адом и его мерзостями. Прелюбодеяния, проистекающие из более тяжкого зла и его извращений, отличаются и большей тяжестью, ибо прелюбодеяния соответствуют измене благу и извращению истины. Измена благу есть сама по себе зло, а извращение истины – само по себе ложь. (АР, № 1006). Говоря коротко, прелюбодеяние всегда проистекает из соединения зла и лжи, но только из лжи по отношению к доктрине и зла по отношению к жизни, но не наоборот, ибо только так осуществляется единение зла и лжи. Это в особенности касается священников, которые давали лживые наставления и жили во зле, ибо они совершали прелюбодеяние по отношению к Писанию. Отсюда ясно, что источником прелюбодеяния является единение лжи и зла. (АР, № 1007).

Прелюбодеяния случаются чаще среди христиан, чем среди язычников и даже некоторых варварских народов по той причине, что в настоящее время в христианском мире нет единения истины и блага, но есть союз лжи и зла. Ибо религия и исповедание веры, отделенные от благодеяний, – это религия и исповедание веры, отделенные от блага. А истина, отделенная от блага, не есть истина, но внутренне являет собой ложь. Аналогичным образом, благо, отделенное от истины, не есть благо, но по внутреннему своему содержанию есть зло. Поэтому в христианской религии имеется доктрина лжи и зла, из которой проистекает наклонность к прелюбодеяниям. Вот почему в христианском мире прелюбодеяние считается позволительным и совершается без стыда. Ибо, как было сказано выше, единение зла и лжи есть духовное прелюбодеяние, из которого в соответствии с законом соответствий проистекает прелюбодеяние природное. По этой причине в Писании “прелюбодеяние” и “распутство” означают измену благу и извращение истины, и по этой причине Вавилон именуется в Писании “блудилищем”, и так же

именуется в Ветхом Завете Иерусалим, а еврейский народ назван Господом “блудным” и “от своего отца дьявола”. (АР, № 1008)

Тот, кто воздерживается от прелюбодеяния в силу какого-либо другого мотива кроме как грех против Бога, по-прежнему является прелюбодеем. Таков, например, тот, кто воздерживается от прелюбодеяния из страха перед наказанием или потерей репутации или болезни или семейных ссор и связанных с ними жизненных неудобств или бедности, жадности, полового бессилия, одним словом – когда человек воздерживается от прелюбодеяния вследствие какого-либо природного или морального закона, а не в силу закона Божественного. Такой человек остается нечистым внутри и прелюбодеем, ибо он все-таки верит, что прелюбодеяние не есть грех и считает его позволительным в духовном отношении, а потому и сам совершает его в духовном смысле. В результате после смерти он становится духом, который открыто говорит в пользу прелюбодеяния и совершает его без всякого стыда.

Мне было дано видеть в духовном мире девушек, которые считали прелюбодеяние дурным, поскольку оно противно Божественному закону, а также дев, которые считали его дурным, но воздерживались от него, поскольку порождаемая им дурная слава разрушила бы их репутацию. Эти последних я видел окутанными темным облаком и опускающимися вниз, тогда как первых я видел в сиянии света и воспаряющими вверх. (АР, № 1009)

7. Седьмая заповедь

Ниже речь пойдет о седьмой заповеди, которая гласит: “Не убий”. Во всех десяти заповедях, как и во всех утверждениях Писания, имеется два внутренних смысла (помимо высшего третьего): один из них близок к буквальному смыслу и именуется духовным моральным смыслом, второй более далек от него и представляет собой духовный небесный смысл.

Ближайший к буквальному смысл этой заповеди “Не убий”, а именно духовный моральный смысл, состоит в том, что нельзя ненавидеть своего брата или ближнего и, следовательно, причинять ему вред, ибо таким образом человек погубит свою репутацию и честь, которые являются основой гражданской жизни, и для общества станет подобным мертвецу, ибо никто не захочет поддерживать с ним отношения. Когда так поступают из зависти, ненависти или мести, это равнозначно убийству.

Более того, многие в мире ценят эту жизнь наравне с жизнью тела. Для ангелов на небесах тот, кто убивает эту жизнь, виновен так же, как тот, кто лишает телесной жизни своего брата. Ибо зависть, ненависть и месть дышат убийством и желают его, даже если сдерживаются страхом наказания или потери репутации. Упомянутые злые чувства заключают в себе такое намерение, а намерение само по себе является действием, ибо оно становится действием, когда исчезает страх. Вот что говорит об этом Господь:

“Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: “рака”, подлежит синедриону; а кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной”. (От Матфея, 5, 21-26)

Но более возвышенный смысл заповеди, который зовется духовным небесным смыслом, состоит в том, что нельзя отнимать у человека веру и

любовь к Богу и, следовательно, его духовную жизнь. Это и есть подлинное убийство, ибо благодаря этой жизни человек есть то, что он есть, а его телесная жизнь имеет для нее только функциональное значение. Более того, из этого духовного убийства проистекает убийство моральное, и, следовательно, тот, кто совершает первое, совершает и второе, ибо тот, кто желает отнять у человека его духовную жизнь и не в силах сделать это, не может не ненавидеть его, так как он ненавидит веру и любовь в нем и, стало быть, самого человека. Эти три вида убийства, а именно: духовное убийство, касающееся веры и любви, моральное убийство, касающееся репутации и чести, и физическое убийство, касающееся тела, связаны друг с другом, как причина и следствие.

Поскольку все, кто находятся в аду, ненавидят Господа и, следовательно, небо, ибо они восстали против истины и блага, ад есть подлинный источник человекоубийства. Ибо человек становится человеком от Господа благодаря принятию блага и истины. Поэтому уничтожение блага и истины есть уничтожение самого человека. Сказанное здесь об обитателях ада до сих пор не было известно в мире, поскольку те, кто принадлежат к аду и после смерти попадают туда, при жизни не выказывают признаков ненависти к благу и истине или к небу, еще менее к Господу. Ибо всякий живущий в мире живет внешним, и это внешнее с детских лет преподается людям, так что они умеют изображать себя честными и благочестивыми, праведными и преданными благу и истине. Тем не менее их дух таит в себе ненависть притом соответственно злу, творимому ими. И эта ненависть прорывается наружу, когда внешняя оболочка исчезает, как случается после смерти.

Адская ненависть ко всем, кто привержен благу, есть ненависть смертельная, ибо она обращена против самого Господа. Это можно видеть особенно по удовольствию, которое испытывают зараженные ею, когда творят зло, и это удовольствие для них намного превосходит все прочие. Эта ненависть – огонь их страстного желания погубить чужую душу. Более того, они получают удовольствие не от ненависти к другому человеку, но от ненависти к Господу. И поскольку человек есть человек от Господа, и человеческое, идущее от Господа, есть благо и истина, а обитатели ада вследствие их ненависти к Господу горят желанием убить каждого человека, который верен благу и истине, то отсюда следует, что ад есть источник всякого человекоубийства. (АР, № 1013)

Из сказанного выше можно видеть, что все, кто пребывают во зле и лжи, суть убийцы. Ибо они являются врагами и ненавистниками блага и истины, ведь зло ненавидит благо, а ложь – истину. Злой человек не знает о том, что он таков, до тех пор, пока не станет духом, и тогда ненависть составляет главное наслаждение его существования. Поэтому из ада постоянно исходит удовольствие от совершения злодеяний вследствие ненависти, тогда как с небес нисходит наслаждение от совершения благодеяний вследствие любви. Две эти противоположные сферы сходятся посередине между небесами и адом и пребывают в постоянном противоборстве. Пока человек живет в мире, он находится в этой срединной области. Если он привержен злу и лжи, он переходит на сторону ада и получает удовольствие оттого, что творит зло. Но если он привержен добру и истине, он переходит на сторону неба и получает наслаждение оттого, что творит добро вследствие любви.

Наслаждение творить зло, которым дышит ад, это наслаждение убийства. Но поскольку обитатели ада не могут убить тело, они стремятся убить дух, а убить дух означает отнять духовную жизнь, которая есть жизнь на небе. Отсюда

ясно, что заповедь “не убий” означает также, что ты *не должен ненавидеть твоего ближнего, не должен ненавидеть благо церкви и ее истину*. Ибо тот, кто ненавидит благо и истину, ненавидит ближнего, а ненавидеть – значит желать смерти. Вот почему дьявол, под которым подразумевается ад в его совокупности, назван Господом “человекоубийцей от начала” (*От Иоанна, 8, 44*).

Поскольку ненависть, которая есть желание убить, противоположна любви к Господу и любви к ближнему, она есть то, что образует ад в человеке. Поскольку же ненависть и любовь противоположны друг другу, а ненависть образует ад в человеке, тогда как любовь образует в нем небо, Господь учит:

“Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде помирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар свой. Мирись с соперником своим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь последнего кодранта”. (*От Матфея, 5, 23-26*)

Быть отданным судье и от судьи быть переданным слуге, а потом быть ввергнутым в темницу указывает на состояние человека, который пребывает в ненависти после смерти вследствие его ненависти к брату при жизни. “Темница” означает здесь ад, а потеря всего “до последнего кодранта” означает наказание, именуемое геенной вечной. (АР, № 1015)

Поскольку ненависть есть адский огонь, то ясно, что она должна быть устранена прежде чем любовь, которая есть огонь небесный, может войти в человека и своим светом дать ему жизнь. Адский же огонь невозможно устранить, пока человек не знает, из чего происходит ненависть и какова ее природа, после чего он может добровольно отвергнуть ее. В каждом человеке от рождения имеется ненависть к ближнему, ибо человек рождается в любви к себе и потому усваивает ненависть, а от нее восстает против всех, кто не разделяет его любви к себе, особенно тех, кто препятствует исполнению его прихотей. Ибо никто не может любить себя превыше всего и одновременно любить Господа, и никто не может любить мир и в то же время любить ближнего, ибо никто не может быть слугой двух господ, не презирая одного из них, если он чтит и любит другого. Ненависть более всего гнездится в тех, кто жаждут повелевать всеми. У других она проявляется как недружелюбие.

Итак, что же такое ненависть? Ненависть – это огонь, который есть стремление убить человека. Этот огонь проявляется как гнев. В противоборстве блага со злом по видимости есть ненависть и гнев, но здесь в действительности нет ненависти, а только отвращение к злу. Нет здесь и гнева, а только горячее стремление к благу, в котором сокрыт небесный огонь. Ибо люди, приверженные благу, отвращаются от зла и по видимости гневаятся на ближнего, чтобы тот мог устранить зло в себе. Так они заботятся о благе ближнего. (АР, № 1016)

Когда человек отвращается от ненависти и отрицает ее как порождение дьявола, на него нисходит с небес от Господа любовь, милосердие и благодать, и тогда его дела становятся делами любви и милосердия, тогда как все содеянное им прежде, каким бы благим ни казалось оно с виду, проистекало из любви к себе и миру, и, как бы ни прославлялись оно в мире, в нем таилась ненависть. Пока человек не устранит в себе ненависть, он остается природным,

а природный человек сохраняет в себе все свое врожденное зло и не может стать духовным до тех пор, пока ненависть вместе с ее корнем, который есть любовь к господству над всеми, не исчезнет в нем. Ибо небесный огонь, который есть духовная любовь, не может войти в человека до тех пор, пока в нем присутствует адский огонь, который есть ненависть. (АР, № 1017)

8. Восьмая заповедь

Перейдем к объяснению восьмой заповеди, которая гласит: “Не произноси ложного свидетельства”. По своему буквальному смыслу эта заповедь касается ложного обвинения ближнего. Но по своему внутреннему смыслу она означает называть несправедливость справедливостью, а справедливость – несправедливостью и подтверждать это лживым способом. В самом же глубоком смысле эта заповедь указывает на искажение истины и блага Писания и вместе с тем доказательство истинности учения ложного с помощью всевозможного обмана, фабрикации, кривотолков, софизмов и тому подобного. Подобные утверждения равнозначны произнесению ложного свидетельства.

Из этого можно видеть, что здесь имеется в виду не только произнесение ложного свидетельства перед судьей, но и приговор самого судьи, который объявляет справедливое несправедливым и наоборот. Такой судья сам произносит ложное свидетельство. То же относится к каждому, кто прямое изображает кривым, а кривое – прямым. И любого духовного наставника, который ложно толкует Писание и извращает его благо. Одним словом, это касается всех видов искажения истины духовной, нравственной и гражданской, которое исходит из злого сердца. (АР, № 1019)

Когда человек воздерживается от ложных свидетельств, понимаемых в моральном или духовном смысле, и отвергает их как грех, в него от Господа нисходит с небес любовь к истине и справедливости. И когда вследствие этого человек загорается любовью к истине и справедливости, он любит Господа, ибо Господь есть сама истина и сама справедливость. Когда же человек любит истину и справедливость, то можно сказать, что истина и справедливость любят его, потому что его любит Господь. Как следствие, его суждения становятся суждениями истины, а его слова – словами справедливости. (АР, № 1020)

9. Девятая и десятая заповеди

Перейдем к девятой заповеди: “Не пожелай имущества ближнего”. Есть два вида любви, из которых вечно проистекают, словно струи фонтана, все вождения человеческого сердца: любовь к миру и любовь к себе. Вождение – это вечно жаждущая любовь, ибо что человек любит, то он и желает. Но вождения принадлежат любви к злу, тогда как желания и симпатии принадлежат любви к благу. Поскольку любовь к миру и любовь к себе составляют источник всех вождений, и все злые вождения запрещены в двух последних заповедях, то из этого становится ясно, что девятая заповедь запрещает вождения, проистекающие из любви к миру, а десятая заповедь – вождения, проистекающие из любви к себе. “Не пожелать имения ближнего” означает не иметь желания завладеть чужим имуществом. Такое вождение принадлежит любви к миру. (АР, № 1021)

Десятая заповедь гласит: “Не пожелай жены и слуги ближнего, его вола или его осла”. Здесь говорится о желании завладеть тем, что принадлежит другому человеку, ибо его жена, слуга, вол и осел находятся в его доме, а все, что находится в доме, в духовном смысле означает то, что принадлежит человеку, а именно: жена означает приверженность к духовной истине и благу, слуга – приверженность к истинам рассудка и благам, служащим духовным вещам, а вол и осел – приверженность к природным благу и истине. Поскольку желание завладеть этими вещами означает желание подчинить другого человека своей власти, такое желание есть признак любви к себе и, стало быть, любви к господству, ибо таким способом человек присваивает себе то, что принадлежит другому.

Из этого можно видеть, что вожделение, о котором говорится в девятой заповеди, есть вожделение любви к миру, а вожделения десятой заповеди суть вожделения любви к себе. Ибо, как было сказано ранее, все желания проистекают из любви, и поскольку существуют два вида недоброй любви, а именно: любовь к миру и любовь к себе, то отсюда следует, что вожделение в девятой заповеди соответствует любви к миру, а вожделение в десятой заповеди соответствует любви к господству. (АР, № 1022)

10. Заповеди в целом

В Писании имеется десять заповедей потому, что число “десять” означает все. Как следствие, Десять заповедей обозначают все, что относится к Писанию и тем самым к церкви. В заповедях сообщается о содержании всего Писания и церкви, ибо каждая из них включает в себя три внутренних смысла, каждый из которых соответствует определенному небу, ибо всего существует три неба. Первый среди них – духовный нравственный смысл, и он соответствует первому, или внешнему, небу. Второй смысл – смысл небесный духовный, и он соответствует второму, или среднему, небу. Третий смысл – смысл Божественный небесный, и он соответствует третьему, или внутреннему, небу. От Господа, который пребывает на самом верху, Писание нисходит вниз через три неба до самой земли. Таким образом, Писание имеется на каждом из небес, и я могу даже сказать – в известном смысле в каждом ангеле, и читается ими ежедневно. Есть на небесах и проповеди Писания, совсем как на земле.

Ибо Писание есть сама Божественная истина и тем самым – Божественная мудрость, которая исходит от Господа в образе солнца и появляется на небе как свет. Божественная истина есть то Божественное, которое зовется Святым Духом, ибо она не только исходит от Господа, но также просветляет человека и наставляет его, как сказано о Святом Духе. По мере того, как Писание, исходя от Господа, принимает вид, соответствующий каждому из трех небес, три неба соединяются воедино, Писание приобретает три своих внутренних смысла, благодаря чему становится возможным единение неба с человеческим родом, которому открыт только буквальный, то есть природный, смысл Писания, являющийся основой внутренних смыслов. То, что Десять заповедей обнимают все содержание Писания, можно видеть только в свете трех смыслов, указанных выше. (АР, № 1024)

О трех смыслах заповедей можно судить из следующего краткого разъяснения. Первая заповедь: “Не поклоняйся другим богам кроме Меня” означает в духовном моральном смысле, что никто другой и ничто другое не

может быть объектом поклонения как Божественное. “Другие боги” обозначают здесь природу, которой приписывают божественные свойства. “Другой бог” как одушевленное существо обозначает здесь какого-либо служителя Господа или святого. В небесном духовном смысле признается только единый Бог, а не несколько, как было принято среди древних или современных языческих народов, и не по различным заслугам Бога, как бывает у современных христиан, который делает одного Бога из творения, другого – из искупления и третьего – из прозрения.

Эта заповедь в Божественном духовном смысле означает, что надлежит признавать и чтить единого Господа и Троицу в Нем, а именно: само Божественное от вечности, каковое соответствует Отцу, Богочеловека, рожденного во времени, каковой соответствует Сыну Божьему, и Божественное, исходящее от них обоих, каковое соответствует Святому Духу. Таковы три смысла первой заповеди в их установленном порядке. Стало быть, эта заповедь содержит в себе все, что относится к сущности Божественного.

Вторая заповедь: “Не поминай напрасно имя Божие” содержит в ее трех смыслах все, что относится к качеству Божественного, поскольку “имя Божие” означает Его качество, каковое в его первом смысле есть Писание, учение, исходящее из Писания, и почтение к жизни, основанное на Писании. В ее втором смысле эта заповедь означает царствие Господа на земле и на небе, а в третьем смысле – Богочеловечество Господа, ибо это есть качество самого Божественного.

Поскольку Божественная истина, соединенная с Божественным благом исходит из Господа в образе солнца и посредством этого были сотворены это небо и этот мир, то это означает, что все вещи на небесах и в мире имеют отношение к благу и истине и к их соединению, порождающему все сущее. Десять заповедей содержат все относящееся к Божественному благу и Божественной истине, и в них также имеется единение того и другого. Но это единение остается сокрытым, ибо оно подобно единению любви к Господу и любви к ближнему, где Божественное благо соответствует любви к Господу и Божественная истина – любви к ближнему. Ибо когда человек живет согласно Божественной истине, то есть любит ближнего, Господь входит в него вместе с Божественным благом. По этой причине десять заповедей были начертаны на двух скрижалях, именуемых договором, что означает соединение. А впоследствии они были помещены под сводами не рядом друг с другом, а одна над другой в качестве свидетельства соединения Господа и человека. На одной скрижали были написаны заповеди о любви к Господу, а на другой – заповеди о любви к ближнему. К заповедям о любви к Господу относятся первые три, а к заповедям о любви к ближнему относятся последние шесть, тогда как четвертая заповедь, гласящая: “Чти отца своего и мать свою”, занимает срединное положение, ибо в ней “отец” обозначает Отца на небесах, а “мать” обозначает церковь, которая есть ближний. (АР, № 1026)

Необходимо пояснить, каким образом посредством Десяти заповедей осуществляется единение человека и Господа. Человек не может соединиться с Господом, только Господь соединяет человека с Собой, и это Он делает посредством человеческого знания, понимания, желания и исполнения заповедей. И когда человек исполняет заповеди, он пребывает в единении с Господом. Когда же он перестает исполнять их, он прекращает также желать их и, следовательно, понимать и знать их. Ибо что значит желание, если человек,

имея к тому возможность, не делает этого? Таким образом, единение с Господом осуществляется тогда, когда человек исполняет заповеди.

Между тем было сказано, что не человек соединяется с Господом, но один Господь соединяет человека с Собой, и это единение происходит из исполнения заповедей. Отсюда следует, что заповеди претворяет в человеке Господь. Но каждый может видеть, что договор не может быть заключен и единение достигнуто без того, чтобы нечто не приходилось на долю человека и притом по доброму его согласию. С этой целью Господь предоставил человеку свободу желать и действовать как бы от себя самого, и эта свобода, когда человек помышляет об истине или действует согласно благу, пребывает в нем самом и исходит от него. Но поскольку эта свобода всегда происходит от Господа, человек должен всеми способами признавать, что помышление об истине и стремление к благу исходит не от него, но от Господа.

Таким образом, когда человек посредством последних шести заповедей соединяется с Господом как бы по собственной воле, Господь соединяется с человеком посредством первых трех заповедей, смысл которых состоит в том, что человек должен признавать Бога, должен верить в Господа и почитать Его имя священным. Но человек не может верить в это, что бы он ни думал о себе, до тех пор, пока он не отвергнет зло, о котором говорится в последних шести заповедях, как грех против Бога. Таков смысл договора между Господом и человеком, благодаря которому осуществляется их единение, так что человек может быть в Господе, а Господь в человеке. (АР, № 1027)

Некоторые утверждают, что тот, кто грешит против одной заповеди, грешит и против всех прочих и, стало быть, повинен в нарушении всех заповедей сразу. Нужно сказать сейчас, насколько это находится в согласии с истиной. Когда человек нарушает одну заповедь, уверяя себя, что он не совершает греха и тем самым не имеет страха Божьего, он не побоится нарушить и остальные заповеди, даже если этого не случается в действительности.

Например, когда кто-нибудь не считает обман и незаконные приобретения грехом, что само по себе есть кража, он не считает грехом и прелюбодеяние с чужой женой, ненависть к другому человеку, клевету или желание завладеть чужим имуществом. Ибо когда он в сердце своем не имеет страха Божьего хотя бы в отношении одной заповеди, он ничто не считает грехом. Следовательно, он заодно с теми, кто нарушают другие заповеди. Он подобен адскому духу, который пребывает в аде воров. И хотя он не совершает прелюбодеяния, убийства и не произносит ложного свидетельства, он уподобляется таким людям и может верить, как они, что подобные вещи не являются злом. Ибо тот, кто становится адским духом посредством нарушения одной из заповедей, уже не верит, что какой-нибудь поступок может быть грехом противным Богу или ближнему.

Но обратное верно в отношении тех, кто воздерживаются от зла, запрещенного в одной из заповедей, и кто отвергают его как грех противный Богу. Поскольку такие люди имеют страх Божий, они соединяются с ангелами на небесах и направляются Господом к воздержанию от зла, запрещенного и во всех других заповедях и в конце концов отвергают их как грех. И если они случайно согрешили, они раскаиваются в содеянном и тем самым постепенно удаляются от греха. (АР, № 1028)

Источник: www.swedenborg.org.ua